

АНТОНІЙ ЛАДУНСКІЙ

КОГДА ПАЛ ХЕРСОНЕС

Загадки истории (Издательский Дом Союз)

АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ
Когда пал Херсонес

«СОЮЗ»

1937–1958

Ладинский А. П.

Когда пал Херсонес / А. П. Ладинский — «СОЮЗ», 1937–1958 — (Загадки истории (Издательский Дом Союз))

ISBN 978-5-60-554525-5

X век нашей эры. Византийский император Василий II, который с самого начала правления столкнулся с разгромом своего войска болгарами и мятежом военачальников, обращается за помощью к правителю русских земель – князю Владимиру. По условиям достигнутого соглашения Владимир отправляет в Византию войска, а император выдает за него свою сестру Анну, но только в том случае, если князь примет христианство. Но император нарушает договор. Тогда разгневанный князь выступает на Херсонес и после нескольких месяцев осады завоевывает этот неприступный город. Василий вынужден сдержать свое слово. Князь Владимир принимает крещение, женится на Анне и возвращается с молодой супругой в Киев. Роман «Когда пал Херсонес» открывает трилогию исторических романов о Киевской Руси писателя Антонина Ладинского. В трилогию также входят романы «Анна Ярославна – королева Франции» и «Последний путь Владимира Мономаха».

ISBN 978-5-60-554525-5

© Ладинский А. П., 1937–1958

© СОЮЗ, 1937–1958

Антонин Ладинский

Когда пал Херсонес

WWW.SOYUZ.RU

© ИП Воробьев В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Когда в предместье св.Мамы пропоют третьи петухи, отойдет заутреня в константинопольских церквах и во мраке едва лишь начинается первый час дня, в Священном дворце великий ключарь и этериарх дворцовой стражи приступают к отпираанию дверей. Прежде всего открывается сделанная из слоновой кости дверь, ведущая в Лавзиаки, куда можно подняться по улиткообразной лестнице. В этом помещении великий ключарь и этериарх сменяют свои обычные одежды на серебряные скарамангии. Отсюда путь лежит через другие залы и переходы в Золотую палату. Затем отпираются прочие двери. После этого веститоры, или облачатели, отправляются в Ризницу и берут там царский скарамангии, в который в этот день надлежит облачиться василевсу. Он бывает золотым или серебряным, из материи цвета персика или из чистого пурпура, присвоенного только царственным особам. Веститоры кладут одеяние со всей требуемой в данном случае осторожностью и благоговением на скамью перед серебряной дверью, ведущей во внутренние покои, и ждут знака.

В это время по тихим еще улицам города уже спешат, направляясь к Ипподрому, пешком или на мулах, в одиночестве или в сопровождении слуг чины синклита, невыспавшиеся патрикии и магистры, доместики и комиты, по случаю праздника в красных плащах. Во дворце просыпается жизнь. У дверей стоят, опираясь на свои страшные секиры, хмурые после бессонной ночи варяги. Служители гасят в покоях светильники и лампы. В руках великого ключаря позвякивают ключи, как бы напоминая, что надлежит спешить и готовиться к царскому выходу.

Гражданские и военные чины, приглашенные на прием или вызванные по какому-нибудь государственному делу, собираются на Ипподроме и приветствуют друг друга церемонными поклонами. Военачальники в подобных случаях являются при мечях, присвоенных их званию. Потом всех приглашают пройти во дворец, каждого чина в особо предназначенный для этого зал, и когда они размещаются по местам на пути предстоящего шествия и силенциарии устанавливают тишину среди присутствующих, к серебряным дверям подходит великий ключарь и трижды ударяет в нее согнутым указательным перстом. Дверь тотчас же открывается, и облачатели вносят во внутренние покои приготовленный царский скарамангии, чтобы надеть его с положенными церемониями на василевса. Облачившись, благочестивый император появляется в дверях...

Ромейское царство – как некий огромный улей или полный трудов муравейник. Все в нашем государстве должны трудиться, и каждому назначены определенное место, обязанности и права. Однажды я проходил мимо муравьиной кучи и некоторое время с любопытством наблюдал, как эти неутомимые труженики суетились, стараясь доставить в подземные кладовые мертвую осу, и я изумлялся их терпению и упорству. На пасеке в имении магистра Леонтия Хрисокефала я неоднократно имел случай наблюдать, как собирают цветочную сладость трудолюбивые пчелы. Такова и наша жизнь, и все в ней установлено на вечные времена законом.

Каждый шаг василевса определяют древним римским церемониалом, который нельзя нарушить ни при каких обстоятельствах. Даже последний табулярий, удостоверяющий свою подписью и печатью торговые договоры, занимает на иерархической лестнице определенное место и должен сделать навстречу посетителю установленные обычаем три шага, а не два или четыре.

В «Книге эпарха» точно указано, как и где разрешается производить куплю и продажу, какая цена назначена за барана или мидимн пшеницы, сколько миллиарисиев имеет право нажать с номисмы торговец шелком и почему булочники имеют двадцать четыре процента дохода с продажи хлебов, так как должны исчислять прибыль, исходя из стоимости зерна, размола и закваски и принимая во внимание топку печи, освещение хлебопекарни и прокорм животного, приводящего в движение жернов. Легаторий и его помощники следят за тем, чтобы весы торговцев были точными, чтобы менялы, которых во время военных действий благодаря знанию ими иностранных языков часто используют как лазутчиков, не подпиливали золотых монет, лишая их тем законной стоимости, чтобы свечники не прибавляли в воск сало, чтобы золотых дел мастера не покупали более одного фунта золота в год, чтобы серикарии, производящие шелк, не окрашивали своих материй в пурпур. Торговцы бальзамом, пшеничной и житной мукой, соленой рыбой, твердой или жидкой смолой, коноплей или гвоздями, свечники, менялы, мясники, мыловары, башмачники и пекари объединены в содружества, подчиняющиеся строгим правилам и облегчающие надзор за трудом и податным обложением. Каждому торгующему назначено особое место для торговли. Золотых дел мастера продают свои изделия на Месе, восточные товары можно продавать только в Эмволах, торговцы ароматами выставляют сосуды с благовониями между Милием и Халкой, чтобы благоухание амбры долетало до дворцовых портиков. Здесь продаются амбра, мирра и прочие благовония из Счастливой Аравии, перец из Индии, нард из Лаодикии, корица с острова Цейлона. Но мироварам строго запрещено продавать цикуту, мандрагору, употребляемую для усыпления, и другие халдейские снадобья.

Среди торгующих благовониями много сарацин, египтян, армян, иудеев, эфиопов и персов. От их криков и зазываний кружится голова. Они макают пальцы в сосуды с ароматами, мажут у проходящих ладони или бороды и расхваливают свои товары:

- Купи мускус для своей возлюбленной!
- За один милиариссий – климат рая!
- Благовонные притирания! Благовонные притирания!

Горбоносый человек в огромном тюрбане, склонив голову набок, шевеля тонкими пальцами перед темным лицом, уговаривает покупателя:

– Что тебе скажет возлюбленная? А вот что скажет она, достопочтенный: «Не надо мне драгоценных украшений, принеси мне лучше амбру или мускус, потому что от ароматов у меня приятно кружится голова...»

Бродячий монах выкрикивает:

- Камушки из Иордана! Иорданские камушки, без запроса!..

Персидский купец предлагает:

- Душистое мыло под названием «Тайна красоты». Купите «Тайну красоты»!..
- Благовонные притирания!..

– Миосотис, новый запах!..

Но здесь я встречал также благочестивых паломников и путешественников, посещающих наш город по торговым делам, разговаривал с Сулейманом ибн Вахабом, совершившим трижды путешествие в Иерусалим и побывавшим в далекой Индии.

Растирая в ладонях каплю амбры, он говорил мне:

– Страсть к путешествиям подобна любви. Новые страны – как новые встречи. Так мы смотрим на красивых рабынь и открываем у них неведомые доселе прелести... .

Избегая легкомысленных разговоров, я просил Сулеймана рассказать мне о Иерусалиме и Дамаске, и он закатывал глаза от прилива приятных воспоминаний.

– О, Дамаск!.. Если может быть на земле рай, то это – там. Дамаск – жемчужина мира, вечная весна... .

Передо мной стоял враг, сарацин, один из тех, кто отнял у нас гроб Христа... . Но ведь мы же были с ним не на поле сражения!

С незапамятных времен бараны продаются на площади Стратигия, а ягнята, от Пасхи до Троицы, – на площади Тавра и рабы – на Амастридской площади, которая поэтому называется в народе «Долина слез». Здесь по лицу продаваемой молодой рабыни текут слезы, крупные, как горошины, детский плач умолкает лишь тогда, когда надсмотрщик грозит бичом маленьким пленникам и пленницам, и, может быть, на этом рынке мы сеем ту бурю, которая когда-нибудь разрушит ромейское государство. Но люди не думают о будущем. На базарах толпятся праздные люди, здесь, как в деревне, пахнет навозом, покупатели спорят о статях коня или о мышцах раба. И всюду – на форумах, на базарах, на рыбных рынках, у цирюльников или хлеботорговцев – споры о догмате святой Троицы мешаются с неизменными разговорами о житейских делах.

– Сколько стоит рыба? – спрашивает покупатель.

– По три фолла за рыбу.

– А в прошлую пятницу я платил по два фолла.

– То было в прошлую пятницу. Цены поднимаются. Потом еще не то будет.

– А что же будет? – удивляется покупатель.

– Разве ты не слышал? Евнух послал василевсу отравленное вино... . – шепчет продавец знакомцу.

Но из-за плеча покупателя высовывается чей-то длинный нос и с любопытством обоняет рыбный запах. Большие, оттопыренные уши ловят каждое неосторожно сказанное слово.

– О чем ты тут говоришь, дружок?

– Я говорю, что моя рыба самая лучшая в Константинополе, – отвечает со страхом продавец.

Согласно постановлениям владельцы харчевен имеют право открывать свои заведения с восьми часов утра до двух часов ночи, когда им предписано гасить огонь, чтобы те, кто сидит целыми днями в кабаке, не проводили там и ночь и не устраивали бы драк. Предержащие власти неукоснительно следят также за исполнением постов и посещением богослужений, особенно когда в церкви присутствует василевс. За нарушение предписаний положены плети, острижение волос, темница, отобрание имущества, отсечение руки и даже ослепление и смертная казнь. Все, от василевса до последнего человека, подчиняются установленным законам. Но что значит наша брменная жизнь в сравнении со славой ромейского государства? И вот мы трудимся, несем бремя налогов и проливаем кровь на полях сражений, потому что лишь способные на лишения и страдания достойны бессмертия в памяти потомков.

Среди этой трудной жизни и житейской суеты взоры невольно обращаются к величественной громаде св.Софии. Создание ромейского гения служит нам вечным утешением и надеждой, и когда смотришь на совершенный купол, понимаешь, почему люди приписывали его построение ангелам. Невозможно без волнения читать в поэме Павла Силенциария о том,

как приступали к строительству храма, приобретали землю у какого-то неведомого евнуха, у бедного сапожника, у привратника по имени Антиох и у вдовы Анны, и о том, каких трудов стоило Юстиниану уговорить этих невежественных людей, неспособных на высокие взлеты мысли, продать свои земельные участки и жалкие жилища. Сам император, в простой одежде, лишая себя послеобеденного отдыха, потому что остальное время было посвящено государственным делам, ежедневно осматривал с палкой в руке постройку и ободрял каменщиков. Такого храма не было на земле даже в дни Соломона. Внутренность его с беспримерной расточительностью украшена мозаикой, и огромное количество золота, серебра, слоновой кости и дерева редких африканских пород потрачено на устройство алтарей, врат и шести тысяч висящих на цепях лампад, изготовленных искусными медниками в виде виноградных гроздьев. Они наполняют храм в ночное время морем огня. В притворе находится фонтан с бассейном из яшмы и извергающими воду медными львами, так как всякий вступающий в храм обязан совершить омовение рук и ног.

Куда бы я ни шел, я неизменно останавливаюсь, если мой путь лежит поблизости от св.Софии, захожу в церковь и люблюсь этим огромным пространством, ограниченным камнем.

Но разве это единственное чудо? Вот форум Августа. На нем привлекает взоры проходящих конная статуя Юстиниана. В левой руке он держит земной шар, а десницу простер по направлению к востоку. На голове у него пышная диадема. Если стать лицом к св.Софии, то справа расположен Ипподром, а налево – Сенат. Над императорской кафизмой, тем помещением, где василевсы присутствуют во время ристаний или игр, летят четыре коня Лисиппа. Не хватило бы многих книг, чтобы описать все эти сокровища, церкви, колонны, портики, рынки, нимфеи и статуи.

Одно из этих чудес также дворец василевсов. Это целый лабиринт зал, переходов, церквей и благоуханных садов, спускающихся к Пропонтиде. Василевсы могут присутствовать на литургии в св.Софии или на ипподромных играх, ни на один шаг не покидая свой дворец.

Однако солнце медленно склоняется к западу, и вечерняя тишина нисходит на город Константина, на его форумы и сады. В окне, разделенном тонкой колонкой, в голубоватой дымке городских испарений виден из моего жилища купол св.Софии, черепичные крыши, кресты церквей, колонны портиков, зелень деревьев. Если сейчас пройти к Золотому Рогу, то увидишь там италийские и критские корабли, доставившие нам мрамор и пшеницу. На набережных, заваленных большими глиняными сосудами с соленой рыбой из Херсонеса, козьими мехами с вином, амфорами с оливковым маслом и кошницами с виноградом, еще бродят гуляки. Иногда тишину нарушает шум случайной драки или песня пьяного корабельщика, направляющегося в квартал Зевгмы, над воротами которого еще сохранилась от языческих времен мраморная статуя Афродиты. Там, среди пороков, находится ее последнее прибежище, и в заплыванных тавернах и вонючих лупанарах люди пьют вино и предаются разврату.

Слышали вы легкомысленную песенку:

Подойди, дружок, И сорви цветок...

Ее здесь распевают хриплыми голосами венецианские корабельщики, беспутные юнцы. О чем помышляют эти люди? О любви? Нет, о похоти. Не посещайте этих мест, юноши, если не хотите запятнать себя грехом!

Меса – главная улица города – начинается от Ипподрома и идет к форумам Константина и Феодосия, а возле площади Быка и форума Аркадия разделяется на два пути. Один идет к Студийскому монастырю и Золотым воротам, другой – к церкви Апостолов. Когда в городе наступает ночь, на этой улице, около бань Зевскипа, торговцы шелковыми материями зажигают в «Доме света» светильники, и огонь горит там до полуночи...

Что еще сказать о нашем великом городе? Дворцы и хижины строились в Константинополе по соседству. Дома богатых людей прячут свою хозяйственную жизнь во внутренних дворах, выставляя на улицы только глухие каменные стены или скудные окошки, из которых

безопасно обозревать народные волнения. Форумы, триумфальные арки, базилики, термы, квадриги, увенчанные ангелами колонны, библиотеки, статуи – все сокровища древнего мира, собранные за прочной оградой крепостных стен, делают наш город похожим на Рим.

А на полке лежат любимые книги, утешающие в минуты сомнения и в одинокие ночи. Назову среди них «Хронику» Георгия Амартова, «Минологий» одноименного мне Симеона Метафраста, украшенный драгоценной живописью труд Дионисия Ареопагита, стиль которого так радует человеческое сердце, и гимны божественного поэта Иоанна Дамаскина. Рядом с ними «Тайная история» Прокопия Кесарийского и другие книги, и среди них спрятаны от нескромного взгляда диалоги Платона и произведения Плотина, а также собственноручно переписанные мною стихи Иоанна Геометра, с которым мне привелось встретиться на жизненном пути. И я, Ираклий Метафраст, друнгарий царских кораблей, патрикий и приближенный василевса, рожденный в хижине, но возвеличенный до дворцов, осмеливаюсь писать среди этих прекрасных книг о том, что случилось мне видеть и пережить в гибельные годы царствования Василия Болгаробойцы...

Прикроем глаза рукой и умозрительно представим себе мир: солнце и луну, материки и моря, блистающие по ночам звезды над ними, соловьиные рощи и усыпанные цветами лужайки – и в то же время все несовершенство его: погибающие в пучинах корабли, сожженные варварами христианские города, морских рыб, пожирающих мелких рыбешек, и наши грехи, корыстолюбие и алчность людей. Богач пирует в мраморном дворце, в то время как несправедливый судья отнимает у бедного поселянина последнего вола, а у вдовицы нет даже фолла, чтобы купить голодным детям кусок хлеба. Представим себе чревоугодие, болезни, язвы и гноящиеся раны, наполняющие внутренности человека нечистоты, его животные страсти, неопрятность и злобу! Всякий раз, когда я вспоминал какого-нибудь преуспевающего и самодовольного глупца, или бесстыдного льстеца, ползающего на брюхе перед сильными мира сего, или грубого обидчика сирот, или чревоугодника, или мелкого интригана, наделенного по милости слепого случая властью, мир казался мне черным, как ночь. Только маленькие делишки, мелкая суета, льстивый смешок, затаенная на дне души жестокость! Но приходил разделить мое одиночество Димитрий Ангел, стихотворец и строитель церквей, поверял свои величественные планы, показывал чертежи прекрасных белых и розовых зданий, которые ему хотелось осуществить в камне, или читал мне свои стихи о розе, распустившейся утром в росистом вертограде, о мимолетном беге оленя, о деловитом скрипе повозок на деревенской дороге, о запахе свежее испеченного хлеба, о терпком вкусе вина, о смехе загорелых женщин – и я готов был благодарить небо, что мне дана возможность вкусить от радостей и страданий жизни. Наш вдохновенный поэт учился писать стихи у Ионна Геометра. С пятнами лихорадочного румянца на щеках, покручивая завитки черной бороды, только что появившейся на этом еще юном лице, он рассказывал мне с сияющими глазами о своей возлюбленной, лучше которой, разумеется, ничего не было на свете, и я не мог не улыбнуться ему в ответ. Или мы читали вместе с ним какой-нибудь диалог Платона и изумлялись полетам мысли у философа, хотя и знали, что это ложная, опасная и греховная мудрость.

Димитрий говорил:

– Как прекрасен мир! Корабли плывут по морю, нагруженные пшеницей или произведениями горшечников, и путь их лежит в Африку, в далекие гавани блаженных эфиопов. Звезды вращаются над морями, указывая путь корабельщикам. В Багдаде перед розовыми и полосатыми дворцами калифов плещут фонтаны, и солнечный свет переливается радугой на водяных каплях, а на зеленых лужайках красуются павлины. Караваны верблюдов уходят в далекую пустыню за благовониями. За Танаисом ржут кобылицы варваров. А здесь парит в воздухе, как бы подвешенный на золотых цепях, совершенный купол Софии, порт полон кораблей, и буря рукоплесканий наполняет праздничный Ипподром. Всюду жизнь! Всюду красота! И женские глаза, увиденные украдкой в церкви, прекраснее звезд...

Болезнь клокотала в его груди, он задыхался от кашля, но потом, успокоившись, мечтательно смотрел куда-то вдаль, весь во власти своих видений, колоннад, архитравов, куполов и строительных расчетов, построенных на правиле золотого деления.

Да, корабли плывут по морю, но аквилоны и бореи вздувают свирепым дыханием морские пучины, и жалкие создания человеческой жадности и беспокойства трепещут и погибают. Весь мир наполнен беспокойством и бурей. Раскроем книгу, в которой Константин Багрянородный с таким умом писал о фемах, – и мы увидим залитые кровью Армениак, Фракийскую фему, Анатолик и Опсикий, горы Тавра, совсем недавно возвращенные из-под ига сарацин силою христоролюбивого оружия Эдессу и Антиохию, завоеванный Никифором Фокою остров Крит, побежденный патрикием Никитой Халкуци остров Кипр, дивные владения ромеев в Италии – Неаполь и гору Везувий, извергающую серу, огонь и пепел, и другие наши земли.

Еще мы увидим Херсонес в Таврике, его поруганные церкви и потоптанные виноградники, Борисфен, который руссы называют Днепром, такую же великую реку, как Нил, и еще более обильную рыбой и сладостной для питья водой, а на берегу ее далекий город Киев, над которым уже занимается северная аврора. Весь мир полон движения и перемен. Но подобно двум солнцам сияет над ним слава василевсов Василия и Константина. Бремя государственного правления взял на себя Василий. Мужественный и неутомимый, он крепко держит в руках кормило ромейского корабля. Содрогаются земля от толчков, рушатся небесные купола храмов, со всех сторон теснят нас враги, народ вопиет от голода, дитя напрасно мнет материнские сосцы, ибо нет в них ни единой капли молока. Мы родились в годы бурь и потрясений, в дуб, под которым спасаются во время грозы, ударила небесная молния, и вот женщины трепещут в гинекее, опасаясь за своих мужей и сыновей. Но василевс умеряет жадность богатых, считающих, что им все позволено, сокрушает ярость врагов, угрожающих нам гибелью, и награждает достойных.

В печальное время посетила землю моя душа. Что я? Червь, рожденный во мраке. И в то же время меня озарила необыкновенная любовь, моя мысль, как орлица, взлетает на высочайшие горы, откуда открывается зрению вся земля, где становятся близкими звезды и родится надежда, что среди этих рек крови когда-нибудь возникнет иная, лучшая жизнь.

Тот день я провел с друзьями в долине Ликоса, на винограднике магистра Леонтия Хрисокефала. Нас было пятеро: историограф Лев Диакон, спафарий Никифор Ксифий, мужественный человек, уши которого, как у волка, заросли волосами, стихотворец Димитрий Ангел, сам магистр Леонтий и я. Некогда Ксифий служил в «бессмертных», как называют закованных с головы до ног в железо катафрактов, отличился в сражениях и получил звание спафария. Он был несведущим человеком, но мы делили с ним военные труды, и я ценил его верное сердце.

Мы отправились в путь на мулах и в сопровождении слуг задолго до восхода солнца. День был праздничный, свободный от трудов, и мы решили провести время в отдохновении и дружеской беседе.

Зима приходила к концу, серебристые хребты окрестных гор уже начали покрываться зеленью, среди кипарисов, дубов и олив веял зефир, и на его крыльях к нам прилетела весна, осыпая лужайки цветами и наполняя приятным волнением человеческое сердце. Мы выехали из Меландизийских ворот, поднялись на горбатый каменный мост и направились по вымощенной камнем дороге Игнатия в имение магистра. Разгоралась заря. Ромейские девушки выходили из города легкими стопами, чтобы собирать на лугах фиалки. Все было кругом в цвету, и аромат розовых миндальных деревьев наполнял долину.

Виноградник был расположен на щебнистом солнечном холме, и у его подножия находился круглый каменный колодец. Немного далее стояла хижина, сложенная из грубых полевых камней. В ней мы имели обыкновение с Димитрием Ангелом и Львом Диаконом читать диалоги Платона, и от бедности хижины почему-то особенно печальными казались слова философа о небесной любви. Под влиянием этих строк Димитрий написал впоследствии стихи о

возвышенном любовном чувстве в мире грубых страстей, и я с большим тщанием переписал их для себя. Здесь, в таком укромном и безлюдном месте, было удобно спорить о мире платоновских идей, так как из благоразумия следовало опасаться, чтобы слухи о таком времяпрепровождении не достигли ушей патриарха и не навлекли бы на нас гнев василевса. Василий не любил поэтов и соблазнительных философских рассуждений, патриарх же грозил, что чтением подобных книг мы можем погубить наши бессмертные души. Однако теперь все читают тайком Платона.

Магистр Леонтий, богатый человек, посещал время от времени имение, чтобы проверять надзирающих над рабами и виноградниками, а Никифора Ксифия влекли сюда смешливые белозубые поселанки.

Незадолго до этого магистр получил известие от управителя имением, что рабы и кабальные работники, приставленные возделывать нивы и пасти хозяйский скот, выражают недовольство своей участью и даже осмеливаются на угрозы. Поэтому он и отправился в свои владения, захватив с собою около дюжины слуг, вооруженных мечами, и твердо решив наказать виновных.

По прибытии мы были встречены управителем, весьма льстивым человеком, который прислуживал нам за трапезой, вынимал из плетеной корзины лучшие хлебцы, разрезал пополам, чтобы удобнее было класть на них куски мяса, и самолично наливал нам в чаши красное вино, разбавленное ключевой водой. Обедали мы в сельском каменном доме Леонтия, расположенном среди тенистых деревьев, и во время еды не говорили о хозяйственных делах, а вели благопристойную беседу о мученике Агапите, память которого праздновалась церковью в тот день, и лишь по окончании трапезы Леонтий вышел под арку, которой была увенчана дверь дома, и велел привести во двор непокорных.

Их было четверо – старик и трое молодых, – и вид этих людей мог бы вызвать жалость у самого жестокосердого человека. Они обращали на себя внимание необыкновенной худобой тела и грязью рук, были босы, в жалких непрепоясанных вретящах, и к их ногам прилип коровий навоз. Рабы упали на колени, и старик поклонился хозяину, касаясь лбом земли, а молодые мрачно посмотрели на нас и потом опустили глаза. Управитель стоял рядом, держа подобоострастно в руке опущенный заячьим мехом колпак.

– Что я слышу? – грозно начал магистр. – Вы оказываете неповиновение и небрежно выполняете работу? Мне донесли, что вы даже стали способны на угрозы и готовы к возмущению? Но известно ли вам, что я могу присудить вас к тысяче палочных ударов? И даже если вы умрете во время наказания, я не отвечаю за ваши жалкие души, и все это предусмотрено мудрым законом...

Вдруг старик поднял руки к небесам и воскликнул, шамкая беззубым ртом:

– Господин! Не знаю, что хуже – жизнь ли, какую мы влачим, или смерть под палками. Мы работаем от зари до зари, а пищу получаем в самом ограниченном количестве, и терпим нещадные побои, и зимой нам не дают ни обуви, ни плаща, чтобы прикрыть тело от холода, и когда мы обращаемся с просьбой отпустить нас в церковь в праздничный день, нам говорят, что мы не выполнили назначенный урок, и заставляют работать даже в день воскресения Христа...

Леонтий нахмурил брови и посмотрел на управителя. У того забегали глазки.

– Так я поступаю исключительно потому, что радею о твоей пользе, превосходительный. Не слушай этих ленивцев и разбойников. Посмотри на их упитанные щеки, и ты поймешь, что они живут в твоём доме как в раю.

Я отлично знал Леонтия, его жадность и скопидомство, и не удивился, что он якобы поверил словам управителя и приказал наказать ослушников. В глубине двора стояли кучкой приехавшие с ним слуги и конюхи, и старший конюх, по имени Фома, ждал, скрестив руки, когда его позовут, чтобы привести в исполнение приказ магистра. Леонтий поманил его пальцем, и немедленно дюжие слуги потащили несчастных на расправу.

Я никогда не был любителем подобных сцен и поспешил с Дмитрием Ангелом и Львом Диаконом на виноградник, расположенный за горой, но слышал, как магистр сказал Льву, точно оправдывая свое распоряжение:

– Не знаю, как поступить. Полагаю, что более соответствует христианскому учению и выгоднее также отпустить рабов на свободу, наделить землей и обязать трудиться на ней и отдавать господину половину снопов и приплода. Так поступают теперь многие и освобождают себя от неприятных забот.

Закончив свою речь, он погрозил пальцем управителю.

– А если я замечу, что ты уворовываешь то, что дается работающим в имении, я и тебя накажу плетью. Ты должен питать раба, ибо только тогда он будет в состоянии выполнить возложенную на него работу, а я не хочу нести ущерба в своем хозяйстве...

Я знал, что управитель был тоже человеком рабского состояния, но возвысился над другими лишь благодаря низкопоклонству и наущничеству.

Когда мы спускались по тропинке к винограднику, чтобы отдохнуть там после принятия пищи и в тени лоз побеседовать о возвышенных вещах, мы услышали крики и стоны подвергнутых наказанию. Я сказал:

– Разве у нас с ними не один бог, не одно крещение?

Лев Диакон, привыкший взирать на все с холодным равнодушием историка, пожал плечами.

– Мысли раба надо направлять жезлом.

Но я был рад, что мы уже удалились на достаточное расстояние от того места, где происходило бичевание, и крики перестали терзать наши уши.

Отдохнув среди лоз, все отправились в другой конец владения, в селение, где Леонтий покупал у разорившегося крестьянина небольшой участок земли, думая поселить на нем одного из своих рабов. Я тоже последовал за ними, чтобы не оставаться одному на винограднике.

Когда мы пришли на указанное место, там нас уже дожидались владелец участка, свидетели, выбранные из обитателей этой деревни, и явившийся для заключения купчей сделки местный табулярий, сгорбившийся под бременем лет старичок с жалкой бородашкой. Собравшиеся низко поклонились магистру и ждали, что он им скажет. За продающим землю стояла жена с ребенком на руках. Другой мальчик прижимался к матери и теребил ее юбку, с любопытством глядя на красиво одетых людей. Никто из них не имел обуви, и глаза у женщины были заплаканы.

– Приступи! – коротко сказал Леонтий табулярию.

Прежде всего предстояло измерить участок. Один из поселян взял веревку, зажал конец ее между пальцами правой ноги, а другой конец поднял на высоту вытянутой руки.

– Нет, – сказал магистр, – надо использовать для этой цели тростник. Потому что веревка изгибается во время измерения и покажет больше земли, чем есть на самом деле, а я не буду платить лишнее.

Тогда поселянин принес длинную жердь, и табулярий, отложив на ней двадцать семь раз руку, отрубил палку в этом месте. Так получилась мера для определения площади участка. Теперь оставалось только обойти с жердью вокруг поля.

– Но почему не царская сажень, а малая? – спросил Леонтий.

Сладко улыбаясь, может быть с целью смягчить свои слова, так как он не мог поступить иначе как по закону, табулярий объяснил:

– Царской саженью предписано пользоваться только при покупке крестьянином земли, а при продаже – малой. Так гласит новелла.

– Ты правильно говоришь, – подтвердил поселянин, – так повелел василевс.

– Считается, что это делается для оказания помощи бедным. Ибо тем самым, что он продает, продающий уже рассматривается как более бедный человек, чем покупающий. Хе-хе!

Табулярий потирал руки, как бы извиняясь за такой неблагоприятный для магистра закон.

– Это мне известно, – махнул рукой Леонтий.

Началось измерение участка. Видно было, что крестьянин не очень-то доверяет табулярию и следит за каждым его движением. Но участок был небольшой, и площадь его скоро была вычислена. Пахотная земля, как известно, измеряется на модии жита, потребные для обсеменения.

Табулярий подсчитывал вслух, глядя куда-то в небеса, точно там он находил все нужные ему данные:

– Итак, сосчитав число сажен и отбросив одно измерение из каждых десяти на ручей, протекающий в этом владении, и на каменистую почву, неудобную для обработки...

– Земля здесь медомлечная, чернозем, – пытался отстаивать свои интересы продающий.

– Есть и супесчаная. Смотри, какой камень, щебень, – возражал Леонтий.

– Продолжаем, – опять возвел очи горе табулярий, подсчитывая на пальцах. – Тридцать шесть... Остаток разделим на четыре или отбросим число сажен и разделим полученное на два. Получится ширина и длина. Перемножив ширину на длину и разделив сумму на два, мы получим число модиев. Их будет восемнадцать.

– Как же так? – почесал затылок поселянин.

– А так. Скольким мерам равняется сторона твоего участка? Шести. Помножим ширину на длину. Тридцать шесть сажен.

– Тридцать шесть... – повторил поселянин.

– Это будет площадь. Теперь разделим ее на два. Вот и получается восемнадцать модиев.

Я и сам не очень-то схватывал эти вычисления, а крестьянин только растерянно переводил взгляд с одного на другого. Но Леонтий был доволен. Он брал с париков, обрабатывающих его землю, четвертую, а то и третью часть урожая и, вероятно, успел подсчитать в уме будущий доход с участка.

Табулярий уже писал на вынесенном из хижины колченогом столе купчую: такого-то числа, такого-то индикта и года...

Мне захотелось вернуться на виноградник.

– И я с тобой, – окликнул меня Димитрий Ангел.

В дальнейшем время незаметно прошло в беседе о текущих событиях, а к вечеру мы пустились в обратный путь, подгоняя мулов, чтобы попасть в город до закрытия ворот и не иметь пререканий с городской стражей. Мы спешили и перегнали в пути того самого поселянина, который покинул жилище и куда-то брел с семьей, нагрузив на осла все свое имущество и отдав, вероятно, значительную сумму вырученных денег в уплату долга магистру. Однако темнота застигла нас еще в пути, и тогда мы неожиданно увидели на черном небе комету, которая была подобна огненному мечу архангела и тихо плыла в небесных пространствах.

Потрясенные страшным зрелищем, мы вздыхали. Но вдруг земля под нашими ногами заколебалась, и мулы в страхе остановились. Мне показалось, что наступает конец мира. Глухой и тяжкий грохот донесся до нашего слуха. Димитрий Ангел схватил меня за руку.

– Неужели это рухнул купол Софии?

В душевном смятении ему никто не ответил. Каждый опасался за жизнь, за судьбу близких, за участь своих жилищ. Но падение купола такого храма было бы равносильно мировой катастрофе. Этого не мог охватить человеческий разум.

Лев Диакон произнес:

– На земле должно случиться нечто страшное! Сама природа возвещает нам о каком-то важном событии. Может быть, предсказывает падение Херсонеса...

В тот день мы много говорили о Херсонесе. Город находился в крайне стесненном положении, и в призывах херсонесского стратига о помощи слышалось отчаяние.

– Что же теперь будет с нами? – спросил стихотворец, готовый заплакать от волнения. – Разве этот город не оплот наш, не новый Илион?

Димитрий писал стихи, легко впадал в преувеличения, опьянял себя красивыми словами. Магистр вздохнул.

– А главное – кто будет доставлять нам соль с борисфенских солеварен и дешевую соленую рыбу для константинопольского населения?

Лев Диакон показал рукой на комету, неумолимо плывшую, как челн, в мировом пространстве. Историк считал себя знатоком в области предвестий.

– Видите? Не без причины посетила нас небесная гостья.

Я неоднократно бывал в Херсонесе и хорошо знаю этот шумный торговый город. Жители его коварны, туги на веру, лгуны, легко поддаются влечению всякого ветра, как писал о них еще епископ Епифаний. Они жалкие торгаши и неспособны на великое. Торжище – их душа, нажива – смысл жизни и цель всех трудов. Нельзя доверять им ни в чем. Разве не нашелся среди них изменник, как я выяснил это потом, – тот самый пресвитер Анастас, что пустил в лагерь руссов стрелу с указанием, в каком месте надо перекопать трубы подземного акведука, чтобы лишить осажденных воды. Впрочем, теперь я уже спокойно смотрю на события и понимаю, что он действовал так потому, что был варвар по рождению или ждал награды от Владимира, но в те дни мое сердце кипело от негодования.

Расположенный на берегу Понта, на пересечении важных торговых путей из Скифии и Хазарии в Константинополь, обнесенный стенами из прочного желтоватого камня, укрепленный башнями и военными машинами, счастливый обладатель бесподобной гавани, Херсонес сделал себе богом золотого тельца. Его белые корабли, освобожденные от пошлин, доставляют нам рыбу и соль. В устье Борисфена жители Херсонеса владеют значительными рыбными промыслами и солеварнями. Права на них оговорены в особых соглашениях с руссами. Через рынки Херсонеса проходят товары из Скифии – меха, рабы, кожи и кони, которых продают там дикие кочевники, а с Востока – благовония и пряности. Мы же доставляем туда вино, материи и прочие изделия искусных греческих ремесленников. Но жадный и беспокойный город был всегда склонен к возмущениям и неоднократно убивал своих епископов и стратигов. Дальновидные василевсы, заключая договоры с варварами, неизменно упоминали в них, что в случае восстания херсонитов они обязаны подавить мятеж и привести их к повиновению власти, поставленной от бога. Об этом упоминается в сочинении об управлении империей. Константин Багрянородный, царственный автор, советует своему сыну Роману, для которого была написана книга, как надо действовать в случае отпадения Херсонеса. Для этого достаточно захватить в столице и в гаванях Пафлагонии херсонесские корабли, запретить продавать в Херсонесе пшеницу и прекратить всякое сообщение с полуостровом. Предоставленные собственной участи, херсониты должны погибнуть.

Во всяком случае, все в этом городе зиждется на прибыли, и когда вспоминаешь о Херсонесе, видишь, что ничему не предаются люди с таким прилежанием, как торговле. По Борисфену и по далекой русской реке, впадающей в Хазарское море, плывут многочисленные ладьи с товарами. Встречаясь в пути с другими ладьями, купцы перекликаются:

– Откуда вы плывете?

– Из Самакуша.

– Не видели ли вы в Фулах хазарского купца Исаака Самана?

– Видели. Закупает меха и воловьей кожи.

– В какой цене теперь кожи?

– Цены на кожи поднимаются.

Но торговцы пользуются не только кораблями. В хазарских солончаках движутся караваны верблюдов. Люди идут, неделями не встречая человеческого жилья. Но вот впереди поднимается пыль над дорогой и скрипят колеса встречного каравана. Волы тащат огромные повозки с товарами. Купцы останавливаются, с опасением осматривая друг друга. Потом завязываются разговоры:

- Точно ли, что в Таматархе чума?
- О чуме мы не слышали, но верно, что люди страдают там желудком и многие умирают.
- Не встретили ли вы на своем пути кочевников?
- Не встретили.
- А что происходит в Херсонесе?
- Беличьи шкурки идут хорошо, в большом спросе перец, цена на кожи поднимается.
- Не видели ли вы в Фулах хазарского купца Исаака Самана?
- Видели. Покупает воловьей кожи...

Сколько раз я ходил по улицам Херсонеса, бродил по его торжищам, с удивлением взирая на торговую суету...

Уже на рассвете продающие стекаются на городской рынок, где между колоннами висят перекошенные разновесами железные весы, а на каменных прилавках лежат пахучие кожи, зловонные сырые меха, серебряные чаши, мешочки с янтарем, женские украшения, амфоры с перцем, сосуды с мускусом, расшитые грифонами и цветами греческие материи. У базилики св.Богородицы в меняльных лавках разжиревших скопцов звенят номисмы и милиариссии. Люди самого различного облика – ромеи и варвары, иудеи и персиане, хазары, армяне и жители далеких сарацинских городов – бродят среди этих товаров, спрашивают о ценах, торгуются, клянутся всеми святыми, Перуном и мечом Магомета, продают и покупают. На рынке у Кентарийской башни торгуют вином, пшеницей и оливковым маслом, а у башни Синагры продаются кони и ослы, рогатый скот и жирные бараны. Верблюды торжественно входят в городские ворота. С тяжелыми вьюками на горбах, гордо подняв маленькие головы, позванивая колокольцами и амулетами, они идут один за другим на базарную площадь. В порту торговые корабли нагружаются рыбой и мехами, чтобы при первом же попутном ветре плыть в Константинополь или в порты Азии. Всюду разговоры о наживе, о прибыли, об удачном лове, о ценах на беличьи шкурки, доставленные из холодной Скифии русскими купцами. Продавец обманывает покупателя, а покупающий, может быть, платит серебром, похищенным из церковной сокровищницы! Зернохранилища, солеварни, склады и масличные точила важнее здесь, чем базилики. Разве способны эти жадные и лживые люди на великие деяния?

Но магистр Леонтий Хрисокефал, лукавый старик, поблескивая черными, полными ума глазами, говорил, когда речь заходила о Херсонесе:

– Хороша херсонесская рыба! Любят ромеи рыбку! Что может быть приятнее рыбной похлебки с чесноком и перцем?

Для него все ясно и просто в мире. Херсонесская соленая рыба – дешевая пища для черни и воинов. Чтобы покупать ее, нужны деньги. Деньги достает государство взиманием налогов и пошлин. Всю жизнь шуршит магистр бумагами, макает тростник в чернильницу, пишет доклады и списки. Все это – для пользы ромеев.

Египетский монах Косьма Индикоплов, совершивший в дни императора Юстина путешествие в Эфиопию и написавший ужасным слогом «Христианскую топографию», в своей книге уподобил мир скинии завета. Земля четырехугольная и представляет собою плоскую равнину, подобную горнице, в которой свод – небеса. Землю со всех сторон окружает океан. По ту сторону его жили в раю Адам и Ева. Солнце, раскаленный шар, возникший из небытия в четвертый день творения, освещает мир днем, луна – ночью. В час заката солнце прячется за коническую гору, расположенную на далеком западе.

Мы все живем в этом ограниченном океаном мире: василевс, патриарх, патрикии, стратеги, епископы, простые башмачники и овчары, Димитрий Ангел и Никифор Ксифий, Лев Диакон и я. Люди привыкли к незначительному пространству. А меня это низкое небо сковывает, как железом. Порой хотелось бы разорвать его руками, прободать трезубцем, посмотреть, что скрывается за его голубой прелестью. Где конец земли? Существует ли еще за океаном тот материк, на котором жили наши праотцы? Что было бы, если бы плыть на корабле на запад до тех пор, пока не покажется земля? Что там?

Магистр Леонтий посмеивался надо мной:

– Умрешь – тогда узнаешь. А пока едва хватает времени управиться с земными делами. Откуда у тебя такое беспокойство? Смотри, чтобы тебя не отлучили от церкви. Зачем ты читаешь, патрикии, богохульные книги?

Сам он плавал в земных делах, как рыба в воде, был большим стяжателем, покупал земли и виноградники, содержал в порядке свой дом, выгодно выдавал дочерей замуж, неоднократно исполнял ответственные государственные поручения, мечтал, что со временем его сделают логофетом дрома, как называется в Священном дворце императорский чин, ведающий сношениями с другими государствами, и пока мы с Димитрием читали божественные строки о Психее, он играл с Ксифием в кости или осматривал лозы и порицал за нерадивость работающих на нивах...

Мы снова двинулись в путь. Но наши взоры непрестанно обращались к комете. В этом тягостном молчании я ехал на муле и размышлял о своей необыкновенной судьбе.

Земная деятельность Ираклия Метафраста, патрикия и друнгария ромейских кораблей, какового сарацины называют адмиралом, началась в бедной хижине, а закончилась в мизийских ущельях, где благочестивый ослепил пятнадцать тысяч болгарских воинов. Тогда я вложил меч в ножны и решил, что напишу эту хронику, рассказав в ней обо всем, что видели мои глаза.

Говоря простым языком, как в разговоре с приятелем, без метафор и украшений, я мог бы заплыть жиром и сытое существование предпочесть очищающим нас трудам и страданиям и, как многие другие, стремиться к земному благополучию, пресмыкаться, ползать на брюхе, льстить сильным мира сего, откладывая в глиняный горшок милиариссий за милиариссием. Однако во мраке земной ночи меня вел свет неразделенной любви. Она спасала меня от ничтожных устремлений, от чревоугодия и грубого смеха. Какая польза была мне в богатстве, если то, к чему я стремился, нельзя было приобрести ни за какие богатства мира? Голубка не захотела променять небеса на курятник.

В те годы любовь наполнила все мое существование. Руководимый ею, я пересекал житейское море, как ромейские корабли пересекают в бурю Понт, и равнодушно взирал на опасности и кипение пучин.

Я не хочу обелять себя, как тот фарисей, что с такой самоуверенностью обращался к богу. Я последний из христиан. Я проливал человеческую кровь, и язык мой изрыгал на людей злобу и хулу. Как часто, предаваясь бессмысленному гневу, я презирал их, хотя сам, может быть, был ничтожнее всех. Сколько раз я видел, как они метались, спасая свое жалкое достояние, и мое сердце оставалось холодным и недоступным для жалости. Люди полагают, что весь мировой порядок существует только для того, чтобы жить в тепле и довольстве, и не хотят помыслить о высоком. «Пусть гибнут в смятении, – думал я, – какая от них польза?» Только отдающий свою жизнь за других заслуживает сожаления и слез, и только погибающий ради высокой цели достоин бессмертия. А ромеи копошатся среди маленьких дел, трусливо прячутся от непогоды, закрывают уши от шума бурь. Спросите их: жаль им героя, который борется за спасение их ленивых и дрожащих от страха душ? Им все равно. Если случится катастрофа, они предадутся унынию. Злобу возбуждает во мне нежелание этих торговцев, стяжателей, судей, писателей хроник и гимнослогателей загореться ревностью к общему делу.

Одни говорят:

– Мы соблюдаем посты, платим налоги и подчиняемся законам. Пусть все останется как есть.

А другие уверяют:

– Мы пишем стихи, форма которых совершенна. Мы можем из гекзаметров «Илиады» составить новую поэму. Мы объяснили у Платона каждую строку и подсчитали число букв и придыханий в его диалогах. Чего вы еще хотите, любители прекрасного?

Ромеи живут как на вулкане, и каждый день нас могут затопить волны варварского моря, а эти люди не хотят расстаться с теплом супружеских постелей. Но сколько раз мы с василевсом поднимали их среди ночи, гнали жезлом на поля сражений, однако они не могли понять, что назначение человека – жить и умереть ради прекрасного, а не цепляться за ничтожную жизнь. Они плакали и жаловались на невыносимую тяжесть возложенного на их слабые плечи бремени. Не плакать надо, а пылать, как свеча среди ночного мрака, стоять непоколебимо среди бури! Только то прекрасно, ради чего человек согласен отдать свою жизнь, не имея от этого никакой личной выгоды. Иначе как вы проверите ценность вещи? Посмотрите на руссов и берите пример с них! Бесстрашно они идут на смерть в сражениях, презирая щиты и всякие военные ухищрения и считая, что умирают ради счастья своей земли.

* * *

Дни текли. Мрачные предсказания Льва Диакона сбывались. Как потом историк написал в своей книге, северная аврора возвестила ромеям о падении Херсонеса. Буря негодования возмутила душу благочестивого. А в это печальное время, как будто ничто не случилось и как будто не угрожала нам со всех сторон гибель, Константин, его брат и соправитель, беззаботно охотился с друзьями среди холмов Месемврии на диких ослов. На константинопольских базарах в те дни говорили: «Побрякушка и крест делаются из одного куска дерева».

Огненные столбы вставали на северной стороне неба, наводя ужас на городскую чернь. Страшная комета плыла в небесном пространстве, может быть предвещая гибель мира. Мы были свидетелями того, как рушились с ужасным грохотом дивные купола церквей – непрочные создания человеческих рук. Потом полевая мышь пожрала посевы, и нашу державу посетил голод. Люди платили по номисме за медимн пшеницы. В бурном море погибло множество кораблей, и земля обильно оросилась кровью христиан.

Взятие варварами Херсонеса довершило наши бедствия. Падение этого города горным эхом отозвалось в кавказских ущельях, в тишине гинекеев, в бедных жилищах дровосеков, в становищах доителей кобылиц и даже в далекой Антиохии. Торговцы на сарацинских базарах, корабельщики в портовых кабаках, путники на далеких караванных дорогах или на ночлеге в придорожных гостиницах рассказывали друг другу о событиях в Таврике. Станный ветер веял из скифских степей. Судьбы человечества решались ныне не в Риме, а на берегах Борисфена, и символ власти над миром, хрустальный, увенчанный крестом шар, трепетал в руке василевса.

Но послушайте, о чем беспокоятся эти люди!

– Правда ли, что цена на хлеб поднялась на два фолла? – печалится табулярий.

– Кухарь, принес ли истец на поварню обещанного ягненка? – спрашивает судья.

– Церковный служитель, уплатила ли вдова положенную мзду за панихиду? – допытывается пресвитер.

Городские ворота были уже заперты, когда мы приблизились к башне, но мы выкрикнули свои имена стражам, и в исключение из правил они впустили нас в город, осветив факелами наши лица. Затем тяжелые ворота снова со скрежетом, медленно повернулись на медных упорах. На мгновение огонь блеснул на меди оружия, и мы снова очутились в темноте. На пустынной улице подковы мулов гулко цокали о камни. Видно было, что в некоторых домах

еще были зажжены светильники. Пахло жареной рыбой. Люди оставили свои дела и вернулись к домашним очагам, принимали пищу, готовились отойти ко сну. Я распрощался с друзьями и повернул мула к форуму Быка, а оттуда на улицу Благоденствия, где стоял мой дом, недалеко от церкви св.Акакия. Со стороны Пропонтиды веяло прохладой.

Служитель разоблачил меня, и я опустил на ложе, но ночь провел в бессоннице: в голове теснились мрачные мысли, и предчувствия не давали мне покоя. Видя, что сон бежит от меня, я зажег свечу и взял с полки первую попавшуюся под руку книгу; она оказалась сочинением, в котором Феофан Продолженный пишет о восстании Фомы Славянина. Вероятно, это был такой же молодой раб, как те, что мы видели сегодня в имении Леонтия. У меня самого было некоторое число слуг, ибо и тогда, несмотря на мое скромное звание спафария, василевс осыпал меня милостями. Однако стихи Иоанна Геометра растревожили мое сердце, и я всегда соболезную участи бедных и поработанных. Может быть, рабы и теперь готовы восстать на нас, и мы живем как на вулкане, но откуда мне знать, о чем они замышляют: ведь при моем приближении они неизменно умолкают и потупляют глаза.

Я написал эту книгу на греческом языке, но чтобы явственнее стала для читателя логическая связь последующего, должен напомнить, что я в совершенстве изучил язык руссов. Этим я обязан тому обстоятельству, что провел детство в предместье св.Мамы, где останавливаются приезжающие в столицу ромеев русские купцы. Согласно существующим договорам, руссам отводится здесь помещение в странноприимных домах и в течение трех месяцев выдаются съестные припасы – мясо, рыба, вино и овощи. Они также имеют право бесплатно мыться в общественных термах, что они и делают с большим удовольствием.

Руссы привозят меха, воск, мед и порою закованных в железо рабов – пленниц и пленников или обращенных в рабство жестокими заимодавцами бедняков, продающих себя в годы неурожаев. Наймиты тоже легко попадают на положение раба: всякая порча плуга или падеж хозяйского вола ставится им в вину, и они платят за все, и эти пени надевают на них петлю рабства. А при случае господин продает их купцам, плывущим в Константинополь. Потом они кончают свои дни евнухами, или гребут до последнего вздоха на хеландиях, или погибают в медных рудниках.

Русских купцов в Константинополе встречает легаторий, на обязанности которого – следить за иноземцами, и табулярий. Одним из последних был мой отец.

В предместье св.Мамы эти служители закона заверяют подписи в письменных документах и составляют договоры торгующих. Это весьма ответственная служба, и всякий табулярий должен владеть гибким слогом и уметь точно выражать свои мысли, чтобы совершающие куплю и продажу не могли вставить в текст двусмысленные выражения, которые потом возможно было бы истолковать во вред противной стороне. Впрочем, отец рассказывал мне, что руссы не прибегали к таким ухищрениям и строго соблюдали клятвы, принесенные на обнаженных мечях.

Получение звания табулярия обусловлено многими требованиями. Необходимо, чтобы человека единодушно избрали для выполнения этой должности все другие табулярии и проверили его в знании законов Прохирона и шестидесяти книг Василиков. Кандидат не должен быть болтливым и высокомерным или распутником. Требуется, чтобы он был добропорядочных нравов и благочестивым в церковных делах. После же принесения со стороны избирающих клятвенных обещаний здравием императора, что они принимают в свою среду нового товарища не из лицепрятия или по родству, а за его добродетели, все направляются в дом к градодержцу, где происходит церемония возведения в сан. Затем табулярий идет в ближайшую по месту жительства церковь. Сняв плащ и оставшись в одной белой фелони, новый табулярий получает благословение от священника. Примикерий же, то есть старшина табуляриев, берет в руки кадило и совершает перед новоизбранным каждение, а один из присутствующих держит Евангелие. Этим воскурением показывается, что мысли табулярия должны возноситься перед

господом, как фимиам. Потом все возвращаются торжественным образом домой, пируют и веселятся.

Отец неоднократно рассказывал об этом обряде и о том, что по своему званию должен был находиться во время императорских выходов в Ипподроме, и как однажды он опоздал и уплатил пени в размере четырех кератиев, о чем очень сожалел.

Пережил отец и другие неприятности. Был такой случай, что он заверил подпись какого-то константинопольского купца в документе, в котором была незначительная ошибка, что-то вроде пропуска значка, означающего придыхание, и другая договаривающаяся сторона опротестовала действительность соглашения, и только суд признал его силу.

Случилось, однако, что отец захворал горячкой, и его лечил врач Никита, проживающий поблизости, и иногда дочь лекаря Ирина приходила, чтобы дать питье больному, и благодаря встрече сделалась потом женою табулярия, хотя Никита, весьма состоятельный человек, лечивший даже высокопоставленных людей, и противился неравному браку. Таким образом, суждено было, что я родился в предместье, где часто слышится русская речь. Кроме того, дед приставил ко мне свою старую служанку по имени Цвета. Девушкой пленили ее хазары и продали в рабство в Херсонес, где ее купил мой дед. Она не могла до старости забыть свою страну, томилась и плакала в плену, рассказывала мне русские сказки о добродушных медведях и хитрых лисицах. На улице я тоже часто разговаривал с руссами на их языке, и среди них у меня был большой приятель, научивший меня многим полезным вещам и даже стрельбе из лука. Впоследствии я научился у него вскакивать на всем скаку на коня, ухватившись рукою за гриву. Иванко, как звали моего друга, родился в Плескове, в одном из тех бревенчатых городов, что стоят на севере, на берегах богатых рыбой рек и во тьме непроходимых лесов. Когда ему исполнилось двадцать лет и юноша по обычаю своего племени получил право носить оружие, он нанялся в охранную дружину богатого купца, возившего вместе с другими княжескими людьми в Константинополь меха и воск. Ежегодно они приплывали в наш город, а когда руссы распродавали товары и приобретали потребные им греческие материи, пряности, вино и сушеные плоды, они возвращались в свою страну, получив от ромейских властей необходимые им в пути мореходные снасти, парусину и якоря. Иванко, румяный и светловолосый воин, был большим любителем виноградного вина и чувствовал себя хорошо при всяких обстоятельствах, будь то в константинопольской таверне или в сражении с печенегами, часто подстерегающими руссов на порогах. Теперь я с благодарностью вспоминаю этого человека, но мне неизвестно, что стало с ним с тех пор. Тысячи людей встречаем мы на своем жизненном пути и потом теряем навеки из виду среди житейского моря.

Я с удовольствием проводил время на улице, в самой гуще ромейской жизни, пока пресвитер Иоанн, учивший меня чтению и письму, не усаживал своего непоседливого ученика за Псалтирь. Но уже приближалось время, когда я должен был начать учение в школе при церкви Сорока мучеников, где вместе с сыновьями богатых родителей я в течение нескольких лет с прилежанием изучал риторику.

Эта школа была славной наследницей древних Афин. В ней некогда учились патриарх Фотий, проповедники Кирилл и Мефодий и многие другие знаменитые люди, и я не могу без слез вспоминать те счастливые годы, когда мы внимали в ее стенах обучающим нас истине. Лекарь Никита был просвещенным человеком и хотел, чтобы я постиг не только священное писание, но и светские науки. Полнота образования требует того и другого, но наши учителя неизменно и скучно настаивали на том, что нельзя ставить рядом человеческие познания и божественную мудрость, ибо никогда служанка не делается госпожой.

Во всяком случае, окончив школу, я научился многому, в том числе безошибочно определять размер стихов, хотя сам никогда не занимался стихосложением, а также искусству точно выражать мысли и украшать свой слог примерами из поэтов и цветами риторики. Затем я усвоил математическую четверицу – астрономию, которая изучает величины движущиеся, гео-

метрию с ее постоянными величинами, музыку с соотношением величин, а также безотносительные величины арифметики. И только тогда я перешел к философии, познавая, что такое подлежащее и сказуемое, относятся ли они к целому или к части, сколько видов суждений, силлогизмов и фигур, все ли можно доказать сведением к невозможному, что такое аксиома, сколько видов тождества, непрерывна ли цепь причинности и прочее. И лишь потом я приступил к чтению Гомера и тайком, пряча книгу под подушкой, зачитывался при тусклом мерцании светильника Платоном, к которому нужно приближаться с большой осторожностью, чтобы не попасть в греховные тенета его очарования.

У лекаря Никиты был брат, астроном при прославленной Трапезундской школе. Дед, ставший уже человеком преклонного возраста, хотел, чтобы я там закончил свое образование. В те годы этот город был важным центром по торговле с Востоком, в нем были прекрасные здания и церкви, а на его улицах толпились арабские купцы и армяне, персиане и иверы; властители последних хвалятся тем, что ведут свой род от жены воина Урии – Вирсавии, на которой самовольно женился царь Давид, и поэтому считают себя родственниками не только псалмопевца, но и богородицы, так как она происходила из семени Давида, и утверждают, что венец его перешел в Иерусалиме к Навуходоносору, а от него к иверийским царям. Известно, что иверийская знать женится только на родственницах, чтобы не терять чистоту крови.

Для меня это было первое далекое путешествие, и я никогда не забуду плавания на морском корабле в Трапезунд, слезы матери при расставании и потом прохладные ночи на плоской крыше, небо, усеянное звездами, и костлявый палец астронома Никона, показывавший мне Стрельца, Кассиопею или какое-нибудь другое созвездие. Трепет охватывал сердце, когда вдруг раскрывались передо мною тайны небес и светила, плывущие в эфирном океане, располагались в стройном порядке в хрустальных сферах. Седая борода Никона, аскета и терпеливейшего из учителей, щекотала мне шею. Звездные небеса медленно кружились вокруг Полярной звезды. Тихим голосом астроном сказал мне однажды:

– Прочел я в одном древнем трактате, что земля круглая, как шар, и не солнце совершает путь над нею, а земля вращается вокруг солнца. Но это ересь, осужденная церковью.

Я взглянул на него с волнением. Лицо старика было освещено слабым светом звездного неба. Мне показалось, что в глазах у него блеснула лукавая искорка, и мне стало страшно. У меня было то чувство, которое испытывает ходящий по краю пропасти. Вот еще одно небольшое усилие – и все станет понятным. Но мне трудно было превозмочь тайный ужас перед опасностью заблудиться в этих глубинах и погубить себя навеки. А между тем я предполагал, что Никон относится с большим доверием к утверждению древнего мудреца, и при одной этой мысли сомнения рождались в моем сердце, все меняло свои места во вселенной, верх становился низом, а низ верхом, но я опасался спросить о разъяснениях, потому что подобное знание противоречило священному писанию.

Однако вскоре я отыскал в библиотеке Никона тот трактат, о котором он говорил. Это было сочинение Аристарха Самосского, весьма ветхий список. На нем с большим трудом можно было разбирать отдельные слова, и в свитке не было конца. Земля – шар? Не солнце плывет по небу с востока на запад, а наша планета вращается вокруг небесного огня?

Тысячи раз задавал я себе подобные вопросы и не решался на них ответить. Тайна осталась скрытой навеки. Теперь я жалею, что у меня не хватило смелости откровенно побеседовать с Никоном. Теперь уже никто не ответит на мои недоуменные вопросы – астроном давно лежит на трапезундском кладбище под высокими кипарисами. С собой он унес и тайну небес, а свиток затерялся.

Не меньше, чем звезды, я полюбил книги. Забывал о времени и пище, с упоением читая Платона, который так замечательно умел говорить о любви. Равного ему в этой области не было и не будет на земле. Отраженная в душе, как в некоем божественно тихом море, любовь очи-

щается от всего плотского и нечистого. Та же, но совсем иная. Неудовлетворенная, но счастливая, ликующая даже в страдании.

Потом прочел я Плотина и Прокла и поражался их гению, увлекался некоторое время Дионисием Ареопагитом. В этих книгах мир был совсем другим, не грубым, как наше тело со всеми его низменными желаниями, а легким, лишенным неприятных запахов и слишком резких цветов, и я блаженно вдыхал его прохладный, разреженный воздух и только впоследствии познал на жизненном опыте, что подобные рассуждения бесплодны. Необходимо вспахать землю, чтобы на ней колосилась пшеница, нужны искусные человеческие руки, чтобы построить корабль или мельницу для зерна, и во всем требуется труд.

Но годы шли. Из Трапезунда я возвратился домой уже не на корабле, а в повозке, пересек Пафлагонию и Вифинию, посетил многие города, а ночуя в гостиницах или останавливаясь на постоянных дворах, встретил тысячи людей.

По возвращении в Константинополь я поселился в доме деда, лекаря Никиты, который искал благоприятного случая получить для меня какую-нибудь должность. Жизнь протекала без больших потрясений и была полна приятных переживаний. Я наслаждался стихами Иоанна Геометра и в большие праздники посещал вместе с другими Ипподром и там в тумане курений старался разглядеть в императорской кафизме василевса.

Однажды я встретил Иоанна, прославленного поэта, на площади около св.Софии. Мы шли с дедом к ранней литургии. Придворные чины направлялись в сопровождении слуг к Священному дворцу. Дед сказал мне, указывая перстом на бледного, задумчивого человека в придворной красной хламиде:

– Смотри, вот стихотворец Иоанн. Говорят, у некоторых его стихи вызывают слезы на глазах...

Я удивился могуществу поэзии.

Событием в предместье св.Мамы по-прежнему было прибытие из Понта Эвксинского русских купцов, привозивших товары из Скифии. Сначала они распродавали меха и шкурки и прятали деньги в кожаные пояса. Потом значительная часть денег уходила на покупку тканей, на вино и развлечения.

Из любопытства я иногда сопровождал варваров в город. Мне было интересно наблюдать, как они с изумлением смотрели на великолепие нашей столицы. Их, как детей, поражала величина триумфальных колонн и храмов. В храм св.Софии язычников не впускали, но они могли вдоволь наглядеться на красоту наших дворцов, на статуи и водометы. Потом варвары возвращались в предместье св.Мамы, пили в тавернах вино, шумели, хватались за мечи, и тогда являлись присланные градодержцем отряды городской стражи с привычным к таким делам кандидатом. Он прикладывал руку к сердцу, увещевал, старался уладить ссору миром, не прибегая к оружию, чтобы не затруднять отношений с варварами в будущем. Три месяца спустя варвары покидали ромейские пределы.

Кроме Иванка, у меня было много других друзей среди руссов. Это были рослые и красивые люди, искусные в употреблении меча и секиры, и многие из них превосходные наездники. От них я научился умению владеть оружием, ездить верхом без седла. Беседуя с ними, я совершенствовался в русском языке, и впоследствии его знание мне пригодилось.

Но однажды лекарь Никита вернулся из дворца и заявил, что теперь мы можем надеяться на исполнение наших желаний. Оказалось, что ему удалось излечить от бессонницы какого-то важного придворного чина и тот обещал в благодарность за это оказать содействие в приискании для меня подходящего места в Священном дворце. Надежды наши вскоре оправдались, и спустя несколько дней дед сообщил, что меня принимают на службу.

– И не в звании кандидата, как это обычно делается, – ликовал старый лекарь, – а спэфарием, то есть меченосцем. Кто знает, может быть, настанет время и ты будешь протоспафарием?

О лучшем нельзя было и мечтать.

В назначенный день мне надлежало надеть праздничную одежду и отправиться во дворец. Исцеленный сановник просил за меня хранителя императорской печати Василия, всесильного в те дни евнуха, чтобы я был приставлен к юным сыновьям покойного императора Романа, еще не вступившим на престол.

При этом известии мать всплеснула руками и заплакала не то от счастья, не то от горя.

– Куда ты вознесся, сын мой! Теперь ты и взглянуть не захочешь на наше ничтожество!

А я и не знал в тот вечер, что отныне судьба моя будет связана с судьбою василевсов.

Время было тревожное. Над ромейским миром сгустились черные тучи. Все труднее и труднее становилось отражать удары многочисленных врагов. Но чтобы понять положение, в каком очутилось ромейское государство, надо оглянуться на некоторые события, среди которых прошло детство Василия и Константина.

Когда почил блаженной памяти император Константин, автор замечательных книг, трудолюбивый, как пчела, писатель, на престол василевсов вступил его сын Роман, двадцатилетний юноша, любимец Ипподрома и черни, белокурый красавец, как все представители македонской династии. Он предпочитал государственным делам конские ристания и охоту. За спиной мужественного и сурового Никифора Фоки, носившего под пурпуром власяницу, не снимавшего много лет панциря, Роман мог расточать поцелуи черноглазым ромейским красавицам. Это Никифор Фока повел на Крит дромоны и хеландии с метательными приспособлениями для огня Каллиника и лучшими воинами империи, славянскими и армянскими наемниками, чтобы изгнать с острова нечестивых агарян. Из гавани фиголы, около Эфеса, вместе с флотом в море вышла ромейская слава. Агаряне были разгромлены, и христианские церкви на Крите вновь огласились пением. Победы были одержаны также в Сирии, и Алеппо подвергся разграблению, но события в городе Константина побудили Никифора Фоку вернуться с Востока в столицу.

Роман был женат на Феофано, дочери простого трактирщика, пленившей легкомысленного кесаря изумительной красотой. История их встречи похожа на сказку.

Но бывает на земле, что любовь разит человека как молния, и, увы, я сам испытал подобное.

Магистр Леонтий Хрисокефал, бывший в те дни юным кандидатом, рассказывал мне об этой истории.

Шел дождь. Охота была удачной – на повозках лежали туши черных вепрей. В деревушке, которая попала по дороге, охотники решили остановиться на ночлег. Деревню наполнил лай охотничьих псов, и с ними немедленно ввязались в драку деревенские овчарки. Псаря и ловчие разместились по хижинам. Для василевса нашли помещение в придорожной харчевне. Над ее воротами висел на шесте сноп житной соломы – символ приятного ложа.

Постель готовила Роману молоденькая дочь трактирщика. Она принесла охапку свежей соломы и, стоя на коленях, взбивала ее усердно. Василевс любовался ее проворными руками.

– Как тебя зовут, дитя? – спросил он.

– Феофано, господин, – ответила девушка и опустила необыкновенные ресницы.

– Сколько тебе лет?

– Пятнадцать, господин.

– Какие у тебя длинные ресницы... Сними с моих ног обувь, красавица!

– Я сделаю, как ты повелишь...

Леонтий только что прибыл из Константинополя с важным посланием, трясясь весь день в почтовой тележке.

– Выйди, – сказал ему василевс, даже не взглянув на государственную печать красного воска с изображением павлина.

Ночью в деревне лаяли псы, шел дождь, пахло сыростью и навозом...

Прошли немногие месяцы, и прекрасная Феофано, дочь трактирщика, стала августой. Ее красота покорила всех ромеев, и льстецы называли ее второй Еленой. Но на базарах и в тавернах шепотом говорили, что это она дала яд своему легкомысленному супругу. Роман умер. Вернувшийся с Востока Никифор Фока привел из Каппадокии войска азийских фем, и ничто не помешало ему сменить меч, увитый лаврами, на скипетр. Новый василевс женился на Феофано и объявил, что считает себя только опекуном Константина и Василия – малолетних детей покойного Романа.

Надев пурпурные кампагии, Никифор продолжал походы, вернул ромеям Адану, Мопсуэстию, Тарс, а из сирийских городов – Лаодикию, Иераполь, Арку, Эмессу и даже Антиохию, где в числе добычи оказался меч Магомета. Патрикий Никита Халкуци завоевал Кипр.

Затем разыгрались известные всем события на Дунае, прекращение дани болгарам, посольство Калокира в Киев, появление Святослава. Император решил сокрушить Болгарию силами русского князя, которому было послано из Константинополя тысяча пятьсот фунтов золота. Святослав появился со своей дружиной и печенегами на берегах Дуная и быстро завоевал северную Болгарию. Русскому князю понравились горы и долины Дуная. Но это был бы слишком опасный сосед. Ромеям снова пришлось вести войну. Однако походы и лишения сламили силы василевса, тем более что, несмотря на блистательные победы, положение государства было тяжелым. Никифор не пользовался любовью населения. В его наружности не было ничего такого, что мило народу, – ни величия, ни приятного взгляда. Низкорослый, коротконогий, с большой головой на толстой шее, темнолицый, с глубоко сидящими в орбитах жестокими глазами, он больше походил на мясника, чем на императора. Победы его стоили слишком дорого. Народ изнывал под бременем налогов, воины роптали на невыносимую тяжесть службы. Кроме того, он был слишком стар для прекрасной Феофано. В одну страшную зимнюю ночь, с ведома коварной августы, Иоанн Цимисхий, пахнувший духами щеголь и необузданный честолюбец, ворвался во дворец и предательски убил в постели безоружного героя Антиохии и Аданы.

Цимисхий, ловкий и обаятельный, начал с того, что отправил в монастырь влюбленную в него без памяти сообщницу и тем обелил себя в глазах христиан. Во главе государства был поставлен евнух Василий. Сам василевс поспешил на поля сражений. Ведь Святослав захватывал на Дунае, в союзе с болгарами, один город за другим. Предоставив болгарскому владыке Борису носить царские инсигнии, сам русский лев сражался как простой воин. Руссы перевалили Балканские горы и ворвались в Филиппополь, где они предали мечу двадцать тысяч человек. Но под Адрианополем, можно сказать, уже под самыми стенами столицы, Варда Склир, лучший полководец ромеев, с крайним напряжением всех сил нанес первое поражение северным варварам, ряды которых значительно поредели к тому времени от болезней, и вынудил их уйти обратно за Балканы. В это время на театр военных действий прибыл Иоанн Цимисхий.

Флот из трехсот дромонов был послан к устьям Дуная, чтобы преградить врагам путь к отступлению. Окруженные со всех сторон в Доростоле, испытывая крайний недостаток в съестных припасах, с одними мечами против метательных машин и огня Каллиника, руссы бесстрашно шли против закованных в железо катафрактов и погибали героями. Святославу ничего не оставалось, как предложить мир. Предложение было принято с радостью, ибо всякий мир лучше войны, а двадцать тысяч варваров еще могли причинить ромеям немало вреда.

Уступая желанию русского князя, Иоанн согласился на свидание с ним. Сияя металлом панциря, в пурпуре и в осыпанной жемчужинами диадеме на голове, завитый и надушенный, в окружении придворных и телохранителей, василевс спустился верхом на коне к Дунаю. Святослав прибыл в условленный час на ладье. Он был в белой рубахе и штанах, босой, и его одежда отличалась от других воинов только чистотой. В одном ухе он носил золотую серьгу с двумя жемчужинами и яхонтом. У него были длинные светлые усы, голова выбрита, и только сбоку

оставлен длинный локон, как это в обычае у некоторых варварских народов. Князь сидел с веслом в руке и греб наравне с воинами.

Иоанн сошел с коня и приблизился к ладье, обворожительно улыбаясь, поблескивая красивыми глазами. Святослав молча смотрел на него. За смелость, благородство и, может быть, за легкую походку или быстроту передвижения руссы называли своего князя барсом. Когда Святослав шел на врага, он предупреждал: «Иду на вас!» В этом сердце не было места предательству. Князь доверчиво протянул руку императору, но не потрудился встать со скамьи. Побеседовав некоторое время о мире, они расстались. Писатель Лев Диакон, мой друг, который присутствовал при этой сцене и рассказывал о событиях болгарской войны, уверял меня, что никогда в жизни он не видел более достойного воина, чем Святослав.

В конце концов нам удалось закончить войну. Получив по кошнице хлеба на воина, руссы ушли из Болгарии и поплыли в свою страну. Но на порогах, где им пришлось зимовать в ужасных условиях, на них напали печенеги, вероятно брошенные на руссов коварным Иоанном Цимисхием. Святослав погиб, и лишь немногие вернулись домой и рассказали о том, что случилось. На некоторое время опасность со стороны руссов была устранена.

Удалось достичь некоторых успехов и на западе. Выдав замуж племянницу, благонравную Феофано, названную этим именем в честь августы, за Оттона, незаконно именующего себя императором, Иоанн прекратил войну в Италии. Апулия, Калабрия, Салерно и Неаполь остались в руках ромеев. На востоке стратиг Николай продолжал громить сарацин, завоевал Амиду и Нисибис, памятный сражениями древности. Апамея, Эдесса и Бейрут вернулись в лоно империи. Множество святынь было вырвано из рук нечестивых агарян. Уже василевсу мерещились холмы Иерусалима...

Среди этих потрясений прошли мои детство и юность. О победах мы слышали из уст глашатаев, с амвонов церквей, на форумах и на базарах. Но хлеб был дорог, и все реже приходили в предместье св.Мамы русские купцы. Жить бедным людям было тяжело. Никогда в городе не было такого количества нищих, калек, безруких, безногих и слепцов, как в те годы. При таких обстоятельствах для меня начиналась новая жизнь.

С бьющимся сердцем я прошел под аркой огромных, сделанных из меди дворцовых ворот, под которой гулко отдавались шаги. Меня сопровождал какой-то воинский чин в синем плаще, с красным украшением на груди. Мы вошли в залу ожидания. Зала была круглая, и вдоль стены стояли обитые полосатой и довольно потрепанной материей скамьи. На них скромно сидели явившиеся сюда по Делама люди – поставщики минерального масла для святильников, торговцы мясом и овощами, просители. Какой-то чернобородый человек несколько раз пробегал мимо нас с пачкой бумаг в руке. Мой провожатый обратился к нему, и тот осмотрел меня с ног до головы. Некоторое время, скривив рот, он ковырял пальцем в ухе, а мы почтительно смотрели на это занятие. Потом чернобородый внимательно посмотрел на палец и сказал:

– Юноша! Ты будешь лицезреть Багрянородных!

Он рассказал подробно, как я должен вести себя, начиная с тройного земного поклона и кончая тем, каким голосом отвечать, если меня соблаговолят спросить о чем-нибудь. Втроем мы двинулись в глубину мрачного дворца. Сопровождающего меня чернобородый называл кандидатом, а тот его спафарием, и я понял, что это низшие придворные служители.

В полутемных переходах и галереях, опираясь на страшные секиры, стояли огромные варяги. Чем больше приближались мы к внутренним покоям, тем сильнее было мое волнение. Наконец чернобородый остановился перед обитой металлом дверью и шепнул нам:

– Подождите здесь...

Мы остались ждать с кандидатом у двери, и я с любопытством рассматривал на стенах изображения морских сражений. На них ромейские дромоны метали огонь на врагов, и сарацинские корабли пылали, как костры. В потемневшей от времени и копоты морской воде на

картинах плавали серебряные и красные рыбы. Вдруг дверь отворилась, и незнакомый человек, в желтой одежде до пят, судя по лицу – евнух, поманил меня пальцем. Чернобородый выглядывал из-за его плеча. С биением сердца я переступил порог. Чернобородый поклонился и вышел, а я направился с евнухом дальше.

– Как тебя зовут? – спросил он, справляясь с восковой табличкой.

– Ираклий Метафраст.

Скрипучим голосом он тоже стал наставлять меня по поводу троекратных земных поклонов.

В конце перехода была низенькая, судя по литью – серебряная, дверь.

– В имя отца, и сына, и святого духа... – постучал евнух.

Служитель отворил дверь. Едва сдерживая волнение, я переступил порог, и моему зрению представилось обширное помещение с узкими окнами в непомерно толстых стенах. Перед глазами плыл туман, но евнух подталкивал меня, и я увидел, что на пурпурной скамье сидят два юноши. Это были сыновья покойного василевса, Василий и Константин, в легких домашних одеждах и обшитых жемчугом шапочках. Один – постарше, с мрачно насупленными бровями, другой – совсем еще мальчик, с любопытством уставившийся на меня голубыми глазами. Около них стоял тучный злой человек, евнух, с лишенным растительности лицом. Он тоже рассматривал меня заплывшими, маленькими глазками, не говоря ни слова. Потом я узнал, что это был всеильный паракимомен Василий.

Помня о наставлениях, сопровождавших меня, я упал троекратно ниц.

– Приблизься, – услышал я голос евнуха.

Я подошел.

– Отныне ты будешь служить здесь, – опять сказал евнух, – но смотри, чтобы не было на тебя нареканий. Или попробуешь плетей!

Я стоял, не смея поднять глаз. Сюда я вошел как в храм, а мне говорили о плетях! Но все-таки я успел рассмотреть, что братья отличаются большим сходством, оба светловолосые и голубоглазые. Василий все так же угрюмо смотрел на меня, а Константин беззаботно показывал в детской улыбке белые зубы.

На столе, покрытом зеленой материей с золотыми узорами, можно было видеть письменные принадлежности – глиняную чернильницу, тростник для писания, прекрасно отполированный пергамент, красный воск для печатей. Тут же лежала раскрытая на титульном листе книга. Скосив глаза, я прочел ее заглавие. Это был «Стратегикон» – сочинение о воинских предприятиях, написанное императором Львом. Очевидно, юные кесари только что закончили утренние занятия.

Евнух сказал:

– Ты будешь являться сюда ежедневно в положенное время и исполнять то, что тебе скажут. Тебе выдадут приличествующую твоему званию одежду и возведут в чин спафария, как это положено в подобных случаях...

Так началась моя служба в императорском дворце. Но я не обманывал себя и не забывал, что это произошло не по моим личным заслугам, а по ходатайству высоких особ, которых успешно лечил мой дед. Для входа во дворец мне был выдан соответствующий пропуск; на красной печати был изображен павлин. Каждый день, на рассвете, я являлся к медным воротам, слушал утреню и обедню в одной из дворцовых церквей, а потом выполнял различные поручения юных василевсов и нес службу наравне с сыновьями благородных родителей. Обязанности мои не были очень трудными, и, помня о словах деда, что пути к преуспеванию в жизни не на полях сражения, а в огромных царских залах, я пользовался каждым удобным случаем, чтобы привыкнуть к дворцовым порядкам. Впрочем, большая часть времени проходила в ожидании повелений, в игре в кости, которой тайком занимались от скуки молодые кандидаты, или в пустой болтовне.

Начальником моим в те дни был протоспафарий Иоанн Кириот, по прозвищу Геометр, тот самый, стихами которого я увлекался. Он действительно усердно изучал геометрию и в свое время даже преподавал эту науку Никифору Фоке, но с особенным блеском проявил он свои поэтические способности и написал немало стихов. В этих двустопных он то прославлял богородицу и христианские праздники, то воспевал любовь, хотя свою знаменитую элегию о девушке, у которой юноша просит воды у колодца, он тоже заканчивает словами о Христе – подателе истинной воды, утоляющей человеческую жажду. Был Иоанн Геометр сыном дворцового сановника и сам получил высокое звание, но любил писать о заботах и трудах простого народа, бедных земледельцев, как он это сделал, например, в звучных стихах, описывающих его путешествие из Константинополя в Селиврию. Впрочем, он обладал неиссякаемым богатством тем, и стихи сыпались у него как из рога изобилия – о пренестинском вине, о красной императорской печати, о красивом молодом человеке, о Каллиопе и Урании. Он много читал. Платон и Аристотель, Ливаний и Василий Великий были его знакомцами с самых ранних лет, но во дворце он не пользовался большим влиянием, ибо Василий, как я уже говорил, недолюбливал поэтов и философов и, зная это, многие дворцовые чины подсмеивались над научными занятиями Иоанна, хотя он и был верным слугой отечества, проявлял неоднократно воинскую доблесть и воспел ее у Никифора Фоки.

Я счастлив, что встретил на жизненном пути людей, подобных Иоанну, а тогда смотрел на него как на чудо. Может быть, протоспафарий заметил это, потому что однажды, после какого-то неприятного объяснения с евнухом Василием, сказал мне, качая головой:

– Удались, юноша, от тех, кто презирает истину. Полагаю, что ты не похож на этих бездельников, что толпятся у трона в ожидании подачек!

Этими словами Иоанн дал мне понять, что отметил меня среди прочих служителей. Иногда он беседовал со мною о стихах, удивляясь, почему я не посвящаю свой досуг поэзии. Но я довольствовался тем, что переписывал его произведения, никогда не расставался с ними и черпал в них мысли для понимания мира и людей. Впоследствии, когда жизненный опыт дал мне возможность взирать спокойно на человеческие деяния, я понял, что в стихах Иоанна Геометра было много искусственности и что от них веял порой холодок, но то, что поэт пережил лично, он живо изобразил в своих творениях, и я уверен, что они переживут века. Порой Иоанн забавлялся аллитерациями или совпадением собственных имен и содержащихся в них понятий – Коминопула соединял с кометой или Константина, что значит постоянный, с постоянством, иногда жалил в своих эпиграммах, как пчела, но в жизни это был любезнейший и полный благожелательности человек, и можно было позавидовать богатству его души.

Иногда целый день проходил в томительном бездействии. В толпе служителей, евнухов и кандидатов я ждал часами, когда меня позовут, чтобы читать вслух Василию «Стратегикон». Но у меня было много случаев, чтобы присмотреться к моему господину. Василий был мрачного характера, молчалив, угрюм. К наукам относился с нескрываемым презрением, читал с удовольствием только Плутарха и с жадностью набрасывался на военные трактаты. Часто он покидал дворец, садился на коня, укреплял тело на дворцовом Ипподроме упражнениями, расспрашивал опытных воинов, как лучше наносить удары мечом или как надо отражать щитом стрелы и копьей врагов. Константин предпочитал воинским упражнениям пирушки.

Во дворце было скучно и тихо. Мать Багрянородных, прекрасная Феофано, томилась в заточении, в далеком монастыре на армянской границе; Феодора, на которой женился Иоанн, почти не показывалась из своих покоев. Другая Феофано была в далекой Саксонии. Сестра Василия и Константина, Анна, как потаенный цветок, неслышно жила в тишине гинекея. Василевс Иоанн воевал в Исаврии. Во дворце царил всемогущий евнух. Все говорили шепотом, боялись сказать лишнее слово. Что-то страшное висело в воздухе. Казалось, самые стены дворцовых покоев были пропитаны ядом, интригами, заговорами, тайнами и кровью.

По городу ходили тревожные слухи о положении на восточных границах. Люди с опаской шептались, что василевс страдает неизлечимым недугом. На базарах откровенно говорили о яде, якобы посланном евнухом в императорскую ставку. Но всюду шныряли соглядатаи и доносчики. Все трепетали. Я сам, возвращаясь под родной кров, боялся говорить о том, что мне приходилось слышать и видеть во время церемоний.

Наконец император возвратился, оставив воинские предприятия незаконченными. Увенчанный лаврами побед, но изнуренный лишениями и снедаемый страшной болезнью, он походил на живого мертвеца. Его встречали патриарх, епископы, весь синклит, народ, и я видел, как василевс улыбался искаженной улыбкой в ответ на приветственные клики.

Вступление василевса в город происходило, как это было освящено обычаем, через Золотые ворота. Потом шествие направилось по Триумфальной улице к Августеону. Было заметно, что Иоанн с трудом держится в седле.

Но умолкли приветственные клики – и в Священном дворце стало еще тише, еще страшнее.

Однажды, проходя мимо опочивальни императора, я почувствовал в воздухе запах лекарственных снадобий. Василевс умирал. Серебряная дверь бесшумно открылась, на пороге показался евнух Василий, задержался на мгновение, и тогда мы услышали заглушенные, но звероподобные вопли больного.

В ту зимнюю жуткую ночь над городом шел снег. Казалось, что вся Скифия опрокинулась на ромейские форумы и стогны. В дворцовых залах до утра горели светильники. В отблеске разноцветных лампад странно взирали огромные и печальные глаза икон. И вот распространилась весть:

– Ромеи! Василевс Иоанн в бозе почил! Ромеи, умер наш герой!

В гинекее слышались рыдания и вопли.

Какой-то просто одетый старик, может быть истопник, плакал у камары Феодора:

– Скончался наш лев! Что будет с нами, грешными? Мы веруем в Троицу, и было у нас три василевса – Иоанн, Василий и Константин. А теперь мы погибнем...

Во дворце люди металась по залам, как в час землетрясения.

Вдруг знакомый спафарий коснулся моего плеча и шепнул:

– Тебя требует Порфиригенит.

В смятении я поспешил к Василию. В знакомом покое находились друзья юного василевса: Никифор Ксифий, Лев Пакиан, Феофилакт Вотаниат, Евсевий Ангел – в те дни доместик дворцовых телохранителей. Мне показалось, что под плащами они прячут мечи. Василий стоял взволнованный и мрачный. Все посмотрели на меня.

Василий подошел ко мне и сказал:

– Верен ты мне или неверен?

В слезах я ответил, что готов жизнь отдать ради его спасения. Василий положил руку мне на плечо, и сердце мое наполнилось ликованием.

– Доставь это письмо, – зашептал он, – доместику Запада. Пусть он немедленно явится сюда! Пусть окружит дворец схоляриями и экскувиторами!.. Тебя он знает и поверит тебе. Спеш!

Василий всегда говорил отрывистым и резким голосом. Так говорят непросвещенные поселяне или простые воины. Но по его шепоту я понял, что жизни Порфиригенитов угрожает опасность. Брат его, отрок Константин, плакал в углу. Василий толкнул меня к дверям.

– Смотри, чтобы никто не остановил тебя! Торопись! Иначе враги возмутят воинов!

Я спрятал письмо в складках плаща и бросился вон из покоя.

Никто не остановил меня, потому что все знали мое скромное положение во дворце и никому в голову не могло прийти, что мне доверено важное государственное поручение.

Стояла тихая ночь. На улице медленно летали хлопья снега. В городе было пустынно. Но где-то вдали слышался глухой ропот человеческих голосов. Оказалось, что то спешил со своими воинами Варда Склир, назначенный три дня тому назад domestиком Запада. Я побежал навстречу шуму, прижимая к груди послание Василия.

Весть о смерти василевса распространялась по городу с быстротою молнии. Уже со всех сторон ко дворцу бежал народ. Свечники, чеканщики, торговцы, корабельщики, шерстобиты, водоносы бежали толпами. За падающим снегом пылали адским огнем смоляные факелы. Все ближе слышался мерный топот ног и звон оружия. Приближались схолярии. Впереди ехал на коне великий domestик. Я поспешил к нему и протянул послание.

Domestik остановил коня.

– Кто ты? – спросил он.

– Спафарий Ираклий! Я из дворца. Вот послание тебе от Василия.

– Дайте мне свету! – крикнул он.

Несколько воинов приблизили факелы. При этом чадном и смоляном огне Варда Склир прочел письмо и крикнул, подняв руку:

– За мной, схолярии!

Мы все побежали за его конем. На бегу воины выкрикивали ругательства. Несколько раз до моих ушей долетало имя евнуха, сопровождаемое самыми нелестными эпитетами.

– Лиса! Жирная свинья! Отравитель! – кричали воины.

Другие ругательства были слишком площадными, чтобы их можно было здесь привести. Я еще раз убедился, что ненависть народа к богатым была велика, и люди искали защиты у василевса, потому что молитвы их не доходили до небес, а больше им некуда было обращаться со своими нуждами.

Дворец наполнился народом. Скандинавские варяги пропустили схоляриев и, отгиснутые к стене, мрачно стояли, опираясь на секиры. В прекрасных залах чадили факелы. На одно мгновение я увидел растерянного евнуха. Как Иуда, он целовал domestика, плакал у него на груди. Вырвавшись из иудиних объятий, Склир кинулся во внутренние покои и, гремя латами, упал ниц на мраморный пол перед лицом нового господина. Василий пылающими глазами смотрел на нас. Вокруг василевса стояли его преданные друзья. Уже льстецы взирали на юношу как на бога, теснились к нему, чтобы лобзать край его одежды, плакали от умиления. Тело блаженнопочившего Иоанна остывало, покинутое всеми.

– Патриарх! Патриарх! – слышались голоса.

Патриарх, ведомый под руки иподиаконами, в лиловой длинной мантии, появился среди оружия и факелов и преклонился перед новым господином мира, касаясь рукой земли. Воины грубыми, непривычными к пению голосами затянули:

– Многая лета! Многая лета, автократор ромейский!..

* * *

Был ли то пустой случай или воля провидения? Но с этой памятной ночи я вошел в доверие к Василию. Василевс приблизил меня к себе, и я стал делить его воинские предприятия. Я полюбил эту жизнь, полную перемен, волнений, глубокого дыхания на полях сражений и неизбежаемого привкуса конского пота. Мое сердце не отвращалось от крови, пролитой в битве, от гор трупов после победы, и рука у меня не дрожала, когда требовалось обнажить меч. Но не хочу возомнить себя героем. Одно дело – стоять в первых рядах и рубить секирой, другое – принимать участие в военном совете или сидеть на коне за непоколебимой стеной воинов, прикрывающих тебя щитами, и с каждым истекшим годом я все больше и больше постигал, что пролитие крови противно христианскому сознанию. Пришлось мне читать в житии Андрея Юродивого предсказания о том, что Египет снова принесет свою дань ромеям, и я знаю, что

победы любезны константинопольской черни, так как отмечаются раздачей денег и съестных припасов. Но не вздыхал ли сам Андрей, подобно пророку Исае, о том времени, когда мечи превратятся в серпы, копья – в полезные в сельском хозяйстве шести или в орудия для возделывания почвы?

Евнух Василий уцелел, зубами цеплялся за власть, лукавил, всячески ублажал юных василевсов и соблазнял их молоденькими иверийскими наложницами. Константин подрастал и вполне удовлетворялся охотой, а Василий с каждым годом все больше мрачнел, все чаще метал молнии из голубых глаз, все крепче сжимал в руках кормило ромейского корабля. Свое внимание он направил на борьбу с самоволием стратигов, на воинские предприятия и приготовления к походам, предоставив ведение запутанных государственных дел евнуху Василию, хранителю государственной печати.

Но ради чего, спрашивал я себя иногда, цепляется за власть этот человек? Не ради же одного корыстолюбия? Должно быть, вкусившему власти уже трудно оторваться от этой сладостной чаши, и каждый мнит себя спасителем отечества.

Сколько событий совершилось в эти годы! Когда евнух заподозрил в противогосударственных замыслах Варду Склира, героя победы под Адрианополем, победителя варваров, прекрасного тактика, но мужа с беспокойным характером, он лишил его звания доместика и сделал стратигом отдаленной Месопотамской фемы. Обиженный полководец поднял восстание. Тогда пришлось вызвать из тихого хиосского монастыря его личного врага и соперника Варду Фоку. На Павкалийской равнине разыгралось решительное сражение, в котором с обеих сторон лилась кровь ромеев. В это же время сарацины вторгались в наши италийские владения, а Мизия глухо волновалась.

После смерти Иоанна Цимисхия болгары снова вышли из горных берлог и отнимали у нас город за городом. Самуил завоевал Ларису и даже похитил мощи св.Ахиллия, ревнителя православия на Никейском соборе. Затем он двинулся на Коринф, но здесь ему преградил путь стратиг Василий Апокавк. Сам василевс впервые в этой войне попробовал свои львиные когти. Желая оттянуть от Коринфа полчища Самуила, он изнурительными переходами привел ромеев к Сардике и осадил этот крепкий город. Двадцать два дня мы стояли под его бревенчатыми стенами.

Я был вместе с Василием под Сардикой. Этот город расположен среди живописных гор, по которым вьются тропы, известные только пастухам. Среди диких скал прыгают горные козлы и серны. Воздух здесь полон горной бодрости, приятно дышать таким воздухом путнику.

Обложив со всех сторон крепость и надеясь осадой принудить болгар к сдаче, мы укрепили свой лагерь палисадами, разорили соседние селения, с нетерпением ожидая, когда у осажденных иссякнут съестные припасы. Каждое утро василевс выходил из бревенчатой хижины, которую ему срубили и где он спал, как простой воин, на овечьей шкуре, и смотрел на крепость, грозно стоявшую на возвышенном месте. Мы окружали его, как птенцы орла, – Никифор Ксифий, Феофилакт Вотаниат, Лев Пакиан, Василий Трахомотий, Константин Диоген, протоспафарий Иоанн Геометр и другие. Василевс хмуро взирал на городские башни. Слышно было, как осажденные кричали со стен и осыпали василевса оскорблениями, надругаясь над его священной особой. Василий в гневе щипал завитки русой бороды.

С утра военные машины начинали метать в осажденный город камни. Но ромейские баллистриарии не отличались большой опытностью, и наш обстрел не причинял врагу большого вреда, а осажденные отвечали тучей стрел.

Слыхали ли вы, как поет стрела над головой, когда, оторвавшись от тугой тетивы и описав в воздухе красивую кривую, она летит, оперенная, втыкается в землю и дрожит, вся еще в нетерпении полета? Дышали ли вы этим воздухом, насыщенным яростью, криками воинов, конским потом, вонью греческого огня, запахом свежесрубленного дерева на осадных сооружениях и вкусом металла? Видели ли вы, как плачет от бессилия в своем шатре мужествен-

ный, но побежденный вождь? Я был под Сардикой, дышал воздухом поражения, слышал пение вражеских стрел и видел слезы героя.

Когда наступал вечер и прекращались военные действия, мы собирались вокруг василевса. В хижине тускло горели светильники, пахло овчиной, а в лагере ржали кони, догорали дымные костры. Стояла осень, часто шли дожди, закрывая туманом горы.

Василия терзали мысли о будущем. Его сопровождал в походе историограф Лев Диакон. Лев захватил с собою редкий список «Последнего видения Даниила». По вечерам, покончив с трапезой, мы читали вслух эту страшную книгу и пытались найти в ее темных словах намеки на судьбы ромеев.

Будущее покоилось во мраке. Уже истекло первое тысячелетие с того дня, когда родился в яслях спаситель мира. Последние годы были полны таинственных событий. Прошлой зимой в Месемврии родился младенец, у которого было три глаза, а руки росли из горба на спине. В Константинополе на императорской псарне каждую ночь выли псы, и псаря не могли заставить их умолкнуть даже плетью. Затерянные во мраке гор, мы трепетали. Василевс, подпирая рукой усталую голову, забыв о торжественных церемониях, сидел с нами, как равный среди равных, смотрел на пламя светильника, и его голубые глаза становились совсем черными.

Как сейчас я слышу монотонный голос Льва, прерываемый иногда вздохом кого-нибудь из присутствующих:

– «В третье лето царствования Кира Персидского послан был архангел Гавриил к пророку Даниилу. И сказал ему архангел: „Муж, преклони ухо твое, ибо я открою тебе все, что совершается на земле, до самых последних дней...“

Мы не отрывали глаз от шевелящихся губ чтеца. Со всех сторон нас окружала черная ночь. Мы знали трудности, которые стояли перед нами. В воздухе явственно чувствовалась трагедия.

– «Пошлет господь огонь с небес, – читал Лев Диакон, – земля покроется водою, а Седмихолмный будет окружен врагами! Горе тебе, Седмихолмие! Увы тебе, Вавилон! Вода потопит высокие твои стены, и не останется в тебе ни одной колонны, и возрыдают о тебе приплывшие к твоим башням корабли...»

Кто-то вздохнул за спиной василевса:

– Господи, спаси наши души!

– «Стены его падут, и будет царствовать в нем юноша, который наложит руки свои на священные жертвы. Тогда восстанет спящий змей и убьет юношу и будет царствовать пять или шесть лет. После него воцарится дикий волк, и поднимутся народы севера, которые приступят к великой реке...»

С перекошенным лицом, с глазами, наполненными безумием, василевс протянул руку.

– Остановись!

Лев прекратил чтение. Мы с замиранием сердца обратили свои лица к благочестивому. Простирая руки в ту сторону, где был осажденный город, Василий взывал:

– Какие стены падут? Какой юноша будет царствовать? Какие народы севера придут? Руссы?

Голос василевса звенел, поднимался с каждым словом, поражал наш слух, как звон кимвала.

– К какой реке приступят народы севера?

Мне было не по себе. В воспаленной голове теснились мысли. В самом деле – какие стены падут? Эти стены, перед которыми мы стояли? Кому грозит гибель? Может ли человеческий ум верить в эти пророческие слова или все это жалкий бред? Но как иначе предвидеть то, чему суждено случиться? В самом деле – какие народы севера? Руссы? Это им уготовлены мы в жертву?

Василий сжимал голову руками, вперив взгляд в пространство, точно пытаясь проникнуть в тайны будущего.

– Продолжай, Лев!

Лев снова склонился над страшной книгой.

– «Восстанет великий Филипп с шестнадцатью языками, и будет битва. Но глас с небес остановит сражение. Тогда перст судьбы укажет человека. Ангел возьмет его в святую Софию и скажет ему: „Мужайся!“...»

– Читай, читай!

Но Лев хотел перевести дух и остановился.

– Читай!

Лев продолжал:

– «Тогда настанет изобилие плодов и мир на земле. Тогда лоза будет приносить тысячу гроздий, а жатва даст неисчислимое множество колосьев, но зубы у антихриста будут железные, и скоро во всем мире останется одна мера пшеницы...»

В лагере послышался шум, топот коней, крики воинов. Ксифий вышел посмотреть, что там происходило.

– «Десница его будет медная, а когти в два локтя длиной. И будет он долгонос, глаза его будут как звезды, что сияют утром. И на челе его будут написаны стихи...»

При этих словах вернулся Ксифий. Он вошел в хижину, даже не сделав положенного земного преклонения перед василевсом. Лицо его слегка побледнело. Лев невольно прекратил чтение, повернув лицо в сторону вошедшего, и так и остался с открытым ртом.

– Что случилось? – с раздражением спросил Василий.

– Благочестивый...

Присутствующие в волнении встали. Ксифий едва мог говорить.

Сигнальные огни сообщали о приближении Самуила. Мы были окружены.

Василий немедленно снял осаду, ибо был способен принимать быстрые решения, но болгары настигли нас в ущельях и нанесли страшное поражение...

Помню, что в пути, когда мы поспешно и в беспорядке отходили с остатками сил на Филиппополь, была остановка на ночлег в каком-то разоренном селении. Наши разгромленные фемы устремлялись на восток. Душераздирающе скрипели возы. Дорога была усеяна трупами людей и тушами животных. К ним уже слетались вороны. Этого невозможно забыть: страшная заря на западе, скрип возов, а на пламенеющем небосклоне тучи черных птиц...

Толпы беглецов поспешно уходили под покровом ночной темноты. В селении, через которое мы проходили, стояла скромная каменная церковь с круглым куполом, а вокруг нее раскинулись крытые соломой хижины. Только дом священника был под черепицей. В нем устроили постель для василевса, затопили очаг, потому что ночь была холодная, и к дверям приставили стражу.

Остальные разместились где пришлось. Воины спали на земле, положив под голову щит, укрывшись плащом или зарывшись в солому. В деревне нельзя было найти ни горсти муки, ни одного куска хлеба. Все было разграблено нашими же воинами, не пощадившими даже церковь. Жители, может быть тайные богомилы, убежали в соседние леса, захватив с собой скот и все имущество. Мы расположились в покинутых хижинах.

Среди этого невероятного беспорядка не могло быть и речи о том, чтобы устроить лагерь так, как этого требуют рижские воинские обычаи, и укрепить его валом и рвом. Лагерь должен занимать четырехугольное поле, на котором пересекаются две дороги с воротами. В центре его помещают императорское знамя, шатер василевса и другой шатер – так называемый архонтарий, в котором пребывают военачальники. Вокруг размещаются гетерии бессмертных, телохранители и конные тагмы, а затем ополчения фем. Для каждого чина, для стольника или доместика, в лагере предназначено раз навсегда установленное место. Но в тот день даже патрикии и

стратегии расположились там, где им привелось. Однако я настоял, чтобы вокруг селения была протянута прикрепленная на низких кольшках веревка с привешенными на ней колокольцами – на тот случай, если вражеские лазутчики попытаются проникнуть в селение, чтобы узнать положение вещей. Такая веревка служит в ночное время прекрасным средством для предупреждения неожиданных нападений.

Сердце мое было полно стыда и отчаяния. Я видел бегущих ромеев, бросивших оружие, растерявших воинские отличия, ни о чем другом не помышлявших, кроме спасения своей жизни. Сам василевс сменил пурпурные кампагии, которые положено носить только василевсам и царям Персии, на обыкновенные башмаки, чтобы не быть узнанным в случае пленения. И ты, лев!..

Отборные воины, гетерия закованных в железо «бессмертных», знаменитый легион Сорока мучеников, еще при Августе прозванный Молниеметательным и оправдавший это название во время войны с квадами, когда буря и гром, вызванные молитвами христианских воинов, устрашили врагов, бежали под стенами Триадицы, как овцы, гонимые жезлом пастыря. Прославленные вукелларии, как назывался другой легион, или, по-гречески, фема, потеряли покрытые лаврами знамена.

Только армянские пешие воины отходили непоколебимым строем, огрызались, как волки, когда на них наседали враги. Но разве я сам не трепетал, не наклонял голову, когда слышал пронзительное пение стрелы, и не бледнел, когда блистал перед моими глазами ослепительный меч?..

Лагерь понемногу затих. Была надежда, что мы ушли от преследования врагов. Ко мне явились посланцы и сказали, что меня желает видеть благочестивый.

Василевс сидел на жалкой постели священнослужителя, уронив голову на грудь. Никого около него не было. Я сделал преклонение и стоял, ожидая, когда мне скажут о том, для чего меня позвали. Василий поднял глаза и спросил:

– Что ты смотришь на мою обувь? Я сделал это не из страха. Я не хотел умножать торжество врагов. Они не должны были знать, кого поражают.

Я видел, что по щеке василевса скатилась слеза. Поймав мой изумленный взгляд, Василий смутился и сказал:

– Никому не говори об этом. Я плачу не от слабости, а от злобы. Бежали, как овцы... С тех пор, как я живу, я не встретил в своей жизни ни самой малейшей удачи, и напротив, кажется, не осталось такого несчастья, которое не выпало бы на мою долю...

Он говорил со мной, как простой смертный, и я понял, как тяжело переживает он наше поражение.

Василевс сказал мне, что нужно сделать, и, получив приказание, я оставил его наедине с мрачными мыслями.

Мне надо было найти великого domestика. В поисках этого человека я ходил от одной хижинки к другой, шагая через спящих и натыкаясь на распряженные везы. На повозках стояли обмотанные кровавыми тряпицами раненые. Тысячи их мы бросили во время панического бегства. Кое-где догорали костры, около которых грелись люди. На дороге еще слышался скрип везов, шелканье бичей. Измученные вола ревели.

Наконец я разыскал хижину, в которой нашел себе ночлег великий domestик Георгий Лаханодракон. Проходя мимо овечьего загона, я услышал в темноте человеческие вопли. Кто-то стонал за плетнем, проклиная мир и василевса, хулил бога. Хотя голос был искажен страданием, мне показалось, что я знаю несчастного. Но сердце мое окаменело. Не обращая внимания на стоны, я вошел в хижину.

На грубо сколоченном столе горел глиняный светильник. В его мигающем свете я мог рассмотреть несколько человек в воинских одеяниях. Кроме domestика, тут были Давид Нарфик, Феофилакт Вотаниат, Лев Пакиан, Никифор Ксифий и брат domestика, по имени Анд-

роник. Сидя за убогим столом, они подкреплялись хлебом, так как не было времени нарезать вола и приготовить ужин. Я видел, как эти знаменитые мужи брали пальцами из деревянной солонки щепотки соли. Доместик уронил голову на стол и, видимо, дремал. Рядом с ним сидели Лев Диакон, положив на стол худые белые руки, и протоспафарий Иоанн Геометр. Протоспафарий Никифор Ксифий протянул мне кусок хлеба и сказал:

– Утоли хоть немного голод, Ираклий!

Я взял кусок деревенского хлеба и стал его есть, орошая ломоть слезами, которые как бы заменяли соль. Уже два дня, как у меня во рту не было ни крошки пищи.

В хижине стояла тишина. Ее лишь порой прерывали вздохи, кашель, ругательства. Чтобы нарушить тягостное молчание, я спросил:

– А где же патрикий Иоанн?

Доместик поднял голову и посмотрел на меня воспаленными глазами.

– Благочестивый повелел его ослепить.

Так это патрикий Иоанн стонал в загородке для овец, гордый муж, владелец такого богатства, домов и виноградников! Еще вчера он был всемогущ, а сегодня лежал на овечьем навозе, ослепленный, оставленный льстецами, покинутый друзьями из страха, что оказанное ему внимание может возбудить гнев в сердце благочестивого.

Все сидели мрачные, подавленные несчастьем последних дней. Только Никифор Ксифий, расстилая в углу овчину для ночного ложа, хотя через два часа мы снова должны были двинуться в путь, не удержал негодования:

– Сегодня ты сидишь на коне, а завтра тебя карают, как разбойника. За что ослепили Иоанна?

– Власть василевса подобна секире, лежащей у корня дерева, – вздохнул Лаханодрокон.

– Секира? Лицемерие! – продолжал распалиться Ксифий. – Пришлось мне видеть в Италии, как живут лангобардские бароны. Поистине они патрикий, а не рабы, как мы. У нас...

Никифор Ксифий был мужественным человеком. Уши у него заросли волосами, как у волка. Он воевал в Италии, защищая ромейские владения от сарацин, и любил рассказывать о том, как в Риме в обществе красивых женщин пируют бароны, под музыку виол и охотничьих рогов. Пусть пируют! Зато гореть еретикам и латинянам в геенне огненной!

Все еще стоя на коленях и отстегивая меч от пояса, Ксифий негодовал:

– А у нас? Ползают, как пресмыкающиеся. Ходишь осторожными ногами, опустив глаза долу.

– Замолчи! – крикнул я ему.

Доместик заткнул пальцами уши, чтобы не слышать предосудительные речи.

– Благочестивый один отвечает за наши поступки. Твое дело – сражаться и умереть, а не богохульствовать и осуждать установленные порядки. Положи предел твоему безумию! – удерживал от греха Никифора патрикий Феофилакт Вотаниат, человек большой осторожности и много претерпевший в жизни.

– Иоанн получил по заслугам, – сказал Лев Диакон.

Никифор Ксифий укрывшись с головой плащом, но слышно было, как он скрежетал зубами. Да, он слыл храбрецом, плащ его был в крови врагов, и он сам получил ранение в этом сражении. А патрикий Иоанн, как я узнал потом, первым покинул поле битвы и во время отступления велел нарезать вола, тащившего метательную машину, чтобы насытить свое чрево, поэтому баллиста досталась врагу.

Я переговорил с доместиком и сообщил ему то, что мне было сказано василевсом.

Подражая Ксифию, присутствующие стали укладываться на земляном полу, расстилая свои одежды. Я вышел, чтобы выполнить еще одно повеление – проверить заставы. Лев Диакон и Иоанн Геометр присоединились ко мне. На обязанности историка лежало записывать все достойное запоминания, хотя он и не любил писать о поражениях, но, во всяком случае,

ему надо было взглянуть на картину ночного лагеря. Протоспафарий же был крайне потрясен событиями и не захотел оставаться в хижине. Лагерь спал. В воздухе пахло гарью затухающих костров. Если бы враги настигли нас, никто не оказал бы им сопротивления, и тогда последние остатки ромейского войска погибли бы во главе с василевсом. Люди устали безмерно и забылись в тяжелом сне. Многих мучили сонные видения, судя по стонам. А ведь через два часа мы снова собирались поднять их и вести на восток, чтобы успеть запереться в Филиппополе. В этом хаосе моя душа, уже привыкшая к благоговейной тишине дворцов, испытывала смятение.

На заставе у дороги стояли армянские воины. Среди общей растерянности они одни сохранили спокойствие духа, равнодушно переживая наши победы и поражения. Что для них была слава ромеев! Но это они провели по горным тропам и спасли от смерти василевса и всех нас.

Один из воинов, уже седобородый и со следами старых ран на лице, сказал товарищу, сидевшему на придорожном камне с копьем в руках:

– Смотри, друг, вот пришли храбрые патрикий.

Взглянув на меня еще раз, он прибавил:

– Этого, большеглазого, черного, как сатана, я где-то видел...

Я немного изучил армянский язык в бытность свою в Трапезунде, но сделал вид, что не понимаю, о чем он говорит, и по-гречески спросил, не заметил ли он чего-нибудь подозрительного. Он ответил дерзко:

– Медведь никогда не догонит бегущего зайца.

Мы пошли прочь. Чтобы перевести разговор на постороннюю тему, я спросил историка:

– Откуда ты родом?

Лев вздохнул.

– Отечество мое – Калоя. Тихое селение среди холмов Тмола, на берегу Калистра, впадающего в море недалеко от Эфеса. Дивная там природа!

В это время где-то в отдалении послышалось петушиное пение.

– Слышишь? Вторые петухи! Вот так же они поют в этот час и в моей Калое. Но как там все дышит миром! А здесь я едва не сделался жертвой скифского меча...

Ни для кого не было тайной, что в этой войне вместе с болгарями действовали против нас и отряды скифов, которые Владимир тайно послал на Дунай, чтобы издалека добиться осуществления своих планов. Теперь я понял, откуда возникли разговоры о браке Анны с Владимиром. Дело в том, что ее руки добивался Самуил. Но к нему отправили не Порфирогениту, а простую девицу, выбранную потому, что она походила лицом на Анну. Однако болгары немедленно раскрыли обман и в наказание сожгли митрополита Севастийского, который привез им подложную царевну. Об этом событии было много разговоров, но мое внимание в данное время привлекают другие и более важные события. Скажу только, что именно тогда в Священном дворце и подумали о браке русского князя с Порфирогенитой, чтобы возбудить его ненависть к Самуилу. А вместо этого Владимир послал ему на помощь своих воинов! Можно подумать, что он обучался в Магаврской школе, откуда выходят наши хитроумные логофеты.

Осмотрев заставы, мы повернули назад и шли некоторое время молча. Иоанн Геометр вздыхал, обуреваемый какими-то печальными мыслями. Впрочем, они были понятны. Потом Лев Диакон продолжал свой рассказ:

– Отца моего звали Василием. Когда решено было послать меня в царственный город, чтобы я вкусил там плодов просвещения, твой покорный слуга отправился в путь на корабле, нагруженном быками. Это был сущий хлев под парусами! В Константинополь я прибыл в тот самый день, когда происходил триумф императора Никифора. Спокойно он ехал на коне среди всеобщего ликования и улыбался. Это был титан! Сражался, как лев, а под пурпуром носил власяницу. Но как он притеснял церковь, разорял монастыри, гнал митрополитов и епископов!

– А зачем им богатство? Стяжание мешает спасению души. Легче верблюду...

– Знаю, знаю...

– А они строят пышные дома, имеют табуны коней и множество скота. Вспомни, как жили святые в египетских киновиях и в других обителях, как будто бы уже достигая бесплотности ангелов; у нас епископ говорит, что не надо пещься о завтрашнем дне, а у самого лари набиты номисмами...

– Это Ксифий заразил тебя богохульством, – сказал Лев, – смотри, погубишь себя дружбой с этим человеком.

– Благочестивому известно мое рвение.

– А длинные языки? Подлые уста, нашептывающие в совете про приятеля?

В темноте мы не без труда нашли хижину. На пороге спала стража. Лев остановился и прислушался.

– Слышишь ли ты в воздухе веяние катастрофы?

Я тоже напряг внимание. Да, это была катастрофа.

Но историк, может быть, видел далее меня и говорил:

– Не следует забывать, что эту войну василевс начал не столько движимый благоразумными расчетами, сколько пламенным гневом. И вот расплата. Мы проводили время под стенами Триадицы Сардики в бездействии и гадали на священном писании, а болгары сражаются за свою свободу.

Вдруг произошло невероятное. Над лагерем возникла огромная звезда, озарила светом шатры, хижины, церковь и даже отдаленные горы и, упав на землю с западной стороны, рассыпалась на мелкие искры и погасла.

Я никогда не видел ничего подобного и окаменел.

Лев Диакон произнес:

– Боже!..

Но он первым пришел в себя и прибавил:

– Это означает всеобщее истребление...

Я не понял толком, что он хотел этим сказать, но я знал, что историк хорошо знаком с небесными явлениями, и мне стало не по себе. На земле происходили необъяснимые вещи.

Большинство людей в лагере продолжали спать, а те, что проснулись, потрясенные случившимся, громко обсуждали необыкновенное явление.

Мне было неизвестно, как отнестся к тому, что произошло, василевс, который, конечно, всю ночь не сомкнул глаз. Но историк был подавлен. Сделав неопределенный жест рукою, он ушел куда-то в темноту. Мы остались с поэтом вдвоем.

Всю дорогу Иоанн Геометр молчал. Может быть, в его сердце уже рождались те горькие стихи о гибели ромеев в ущелье Родопских гор, которые мы потом прочли, обливая строки слезами. Но я не знал тогда, о чем он думает, и спросил протоспафария, бывшего некогда моим начальником, а теперь все более и более отдалявшегося от милостей василевса, не хочет ли он отдохнуть в моей хижине. Иоанн был уже в годах, и первые седые нити блистали в его бороде, но живые глаза сверкали по-прежнему любопытством к жизни. Он поблагодарил меня и охотно согласился. Однако мы не уснули с ним и проговорили до зари.

В ту ночь я рассказал ему о ветхом трактате Аристарха Самосского, который мне пришлось держать в руках в библиотеке Никона, и о странных утверждениях этого философа, но Иоанн покачал головой и сказал:

– Ты настоящий эллин. Вокруг нас смятение и гибель, а ты говоришь об Аристархе.

– Не попадалось ли тебе в руки это сочинение?

– Вероятно, ты видел очень редкий список, и я не читал такой книги, но слышал о ней. Полагаю, что этот человек прав.

– Прав? И земля, как шар, вращается вокруг центрального светила?

– Не приходилось ли тебе, едучи на корабле, видеть, как мимо обманно двигаются берега, в то время как корабль якобы стоит на месте? То же самое можно сказать и о солнце. Нам представляется, что оно движется, а в действительности стоит на одном месте, и доказательством этому служит то обстоятельство, что другие планеты кружатся вокруг солнца. Ты знаешь это не хуже меня. Почему же исключение должно быть для земли?

Никон учил меня всему, что положено знать астроному, но не посягал на области, запрещенные церковью, а в словах Иоанна блеснула некая надежда среди мрака нашей ночи, и я запомнил этот разговор на всю жизнь. К сожалению, вскоре наши жизненные пути разошлись. Этот глубоко верующий человек принял сан священника и позднее постригся в монахи, оставив навсегда суету дворцовой жизни. Только изредка я встречался с ним, когда он приходил ко мне из Студийского монастыря, пешком через весь город, и мы беседовали с ним о поэзии, так как и в монашеском чине он сохранил интерес к книгам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.